

НАТАЛЬЯ
САПУНКОВА

Украсить
ПРАВО
ПЕРВОЙ НОЧИ

Наталья Сапункова

Украсть право первой ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69375457

SelfPub; 2023

Аннотация

Право первой ночи – закон в графстве Финерваут. Жители смирились и привыкли. К тому же граф щедр и дарит золото взамен девичьей невинности, и каждая семья за честь считает получить побольше! Сирота Мариса потеряла красоту в пламени пожара, но она тоже выходит замуж. Жених ей ненавистен, а граф, может, и вовсе побрезгует? И надо же такому случиться, что её похитили чуть ли не из графской постели! Очень дерзко и нахально. Но понимает ли похититель, что он затеял?... Любовный роман-фэнтези про непростой путь к счастью. Новинка в "сказочной" серии.

Содержание

Глава 1. Встреча	4
Глава 2. Посиделки у невесты	12
Глава 3. Лорд Ивин заинтересовался	18
Глава 4. Жених просчитался	29
Глава 5. Договор с графом	45
Глава 6. Свадьба Умины	52
Глава 7. Свадьба Марисы	67
Глава 8. Первая ночь	83
Глава 9. Леди Льен	96
Глава 10. Что принесло утро	102
Глава 11. Повод познакомиться поближе	122
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Наталья Сапункова

Украсть право первой ночи

Глава 1. Встреча

В доме мельника дядюшки Фуртафа готовились к свадьбе – выдавали замуж среднюю дочь Умину. Конечно, в усадьбе суета, родственники съехались, во дворе не протолкнёшься, в конюшне места не осталось! Но что одним радость, другим – лишняя работа.

Хромой Марисе досталась работа – перестирать узел белья вдвое больше обычного. Действительно, не сидеть же ей без дела. Матушка Бельдина, мельничиха, так и сказала:

– Не сидеть же тебе без дела, Мариса. Постирай белье. Долго не возись, что там того белья! Потом к девушкам пойдёшь, посиди с ними за рукоделием, чтобы тебя видели. Ты ведь тоже невеста!

Да, у хромой и уродливой Марисы тоже был жених – не только у красавицы Умины, мельниковой дочки. И она выйдет замуж вскоре после Умины. Но её свадьба будет скромная. Столы, конечно, накроют, но слишком тратиться не станут. Да не слишком и хотелось...

Мариса не стала откладывать – чтобы быстрее покончить со стиркой и сбежать со двора на речку бельё полоскать. Она

шустро перестирала и отколотила вальком кучу простыней и полотенец, с вечера замоченных с мыльным корнем, белье в корзину, отпросилась у мельничихи и ушла за калитку, по тропинке к заводи.

Бельё Мариса полоскала не спеша. У заводи не было никого, только белая цапля стояла у камышей, и несколько раз плеснула рыбёшка – благодать! Вода как зеркало. Чуть дальше – птички-трясогузки бегают. В траве кузнечики трещат. Вот такие моменты в жизни – они самые счастливые. А когда ещё радоваться?

Никто сироту Марису не любил и любить не станет. Она – самая уродливая девица в округе, лицо её ещё в детстве обезобразило огнём. Ясно же, что Реддиту, жениху, просто нужна служанка в доме. Причем такая, чтобы его любовница не ревновала – соседи шепчутся, что он к молодой вдове ездит в соседнюю деревню. А почему не женится на вдове – говорят, что она якобы наследство от покойного мужа потеряет, если замуж второй раз выйдет...

Марисе вроде и без разницы, что у мельника по дому трудиться, что у лавочника. С другой стороны, там она женой будет, хозяйкой. Но у лавочника строгая матушка и незамужняя сестра – куда там ещё кому-то в хозяйки! Но это, конечно, ещё посмотрим...

Ещё с Реддитом спать придется, постель делить, несмотря на ту вдову. А этого не хочется! Вот бы он не приставал ещё! Да только будет приставать. Раньше не замечал её, а с

тех пор, как посватался, смотреть стал масляно и всё дотро-
нуться норовит, и заходит с той стороны, с которой шрамы
на лице не видны...

Мариса усмехнулась, выпрямилась и потерла кулаками
поясницу. И вздрогнула, потому что где-то слева справа за-
хрустели ветки...

Мариса уже не раз видела этого человека – он проезжал
через деревню вместе с графом Финерваутом. Молодой муж-
чина, рыжий – этим и запомнился. Но теперь он был пешком.

Первым её порывом было схватить корзину и убежать, тем
более белье уже выполоскано – но как с тяжёлой корзиной
убежишь? Значит, придется повернуться к этому лорду ли-
цом, поклониться...

Девушка нехотя повернулась, присела в сдержанном по-
клоне. Он вздрогнул и раскрыл глаза – это ожидаемо. Она
ведь Мариса-Половинка. Пока лорд видел только слева, всё
было в порядке. Правая часть у неё похуже – и лицо в шра-
мах, и рука кривая, и нога хромая... простите, милорд, и пу-
гайтесь сильно. Что есть то есть.

Мариса подхватила корзину и хотела уйти.

– Эй, постой, – тут же окликнул её рыжий. – Не уходи!

Она поставила корзину.

– Что угодно милорду?

– Дай на тебя посмотреть. Ты кто? Из этой деревни?

Мариса вспыхнула, сжала губы. Что такое?! Чего на неё
смотреть, разве больше не на что? Из какой она может быть

деревни, не из соседней же тащить эту огромную корзину, чтобы подальше от дома белье прополоскать?

И ведь надо было промолчать, но нет...

– Из дальней, милорд, – и опять слегка поклонилась. – Просто здесь, знаете ли, вода чище.

– Что?! – вытаращил глаза рыжий лорд.

Мариса улыбнулась немного виновато, а рыжий вдруг захохотал.

– Как тебя зовут? – спросил он, отсмеявшись. – Чья ты дочь?

– Я сирота, милорд. Живу в доме мельника. Моё имя Мариса. Чем могу ещё служить милорду? – она вздохнула.

Отвяжется он наконец? Ей уже пора...

– Не сердись. Понимаю, как донимает чужое любопытство, – лорд снова сказал не то, что она ожидала. – Просто ты красивая. Пока не показала шрамы. Мы уже встречались? Давно это у тебя?..

– Шрамы? С детства, милорд. Я чуть не сгорела на пожаре. Меня спасли, но вот это всё осталось, – почему-то раздражение Марисы улетучилось.

Ражий смотрел на неё с живым интересом, и это было не совсем так, как на неё смотрели обычно.

– Мариса, – повторил он. – Значит, Мариса.

– Я пойду, милорд, – она поудобнее ухватила ручку корзины. – Доброго вам дня.

До самого поворота дороги ей казалось, что странный ры-

жий не сводит с неё глаз. Но это, конечно, не так. Оглядываться она не стала. И почему он пешком? Так странно. Мариса ещё в жизни не видела у них тут благородных господ, которые бродили бы без лошади.

Едва Мариса ушла на речку с бельём, мельничиха позвала дородную Фацину, свою золовку, отведать горячего чая с пирожками. Толстуху дважды просить не пришлось. Она усе-лась за стол, посмотрела в окно – вслед хромой девке. Ска-зала:

– Ну вот, отдадите дочку, сын мал ещё, а эта дуреха хро-мая в хозяйстве останется. Половинка, так что ли её прозва-ли? – она фыркнула. – А ведь ничего. Не зря растили. Тебе, Бельда, помощь. Девка-то расторопная.

– Пустое, – мельничиха махнула рукой.

– Ну не пустое! – хмыкнула Фацина. – Эту корову со двора не сведут, слишком страшна. Хотя какая корова – коза то-щая! Но сойдёт. Только взгляд, вижу, дерзкий. Без почтения смотрит, а это нехорошо. Оплеух получала мало, это замет-но. Она кто? Сирота подзаборная, место своё должна знать. А ты добрая слишком, от этого и хозяйство страдает. На лав-ку нахалку, юбку задрать да хворостиной! Это всех вразум-ляет, скажу тебе.

Мельничиха поджала губы, внутренне вскипев – ещё по-учать её будет мужнина родня! Ишь, глазастая сестрица, в чужом хозяйстве страдания отыскала! И отповедь придется

придержаться – Фацина обидчивая, пожалуется брату, только ссор с мужем сейчас не хватало! Так что Бельдина смолчала, только усмехнулась:

– Всё не так, милая Фацина. Во-первых, и эту козу вот-вот уведут, просватали уже. А во-вторых, её хворостиной драть себе дороже выйдет. И ты не вздумай ударить или толкнуть, как бы она ни глядела, поняла? Потом или обожжёшься, или ударишься, или не приведи Пламя с крыльца упадёшь. Сила на ней какая-то есть. Да девка и не перечит, не лентяйка, так что без хворостины обошлись.

– Что ты говоришь?! Сила на ней? Защита? – вытаращила глаза Фацина. – А откуда же такое?!

– Кто знает. Мать приехала с обозом, да и умерла. Родни нет у девчонки. А нам за неё по шесть серебряков платят каждые полгода.

– Да погоди, – Фацина забыла про чай. – И вы согласились такую взять?..

– И помалкивай об этом, – строго сказала мельничиха. – Мне так наш священник покойный велел, а он много что понимал. Свой хлеб девка отрабатывает, и то, что у неё в сундуке, тоже.

– Ишь ты, у неё и сундук есть!

– Нам же платят. Должны и приданое собрать.

Почтенная Бельдина жила честно и законы чтит. Марису не обижала. Работой загружала, так ведь у сирот такой удел, должны отрабатывать хлеб. А что пришлось перед свадьбой

старшей дочки забрать из её сундучка кое-что, и все недосуг было вернуть, так это мелочь. И девчонка не обиделась. По крайней мере, никто в семье не пострадал – не зашибся, не споткнулся.

– Постой-ка. Говоришь, что её просватали?! – не могла успокоиться Фацина. – Пошутила, что ли?

– Просватали. За лавочника Реддита Сайно, – вздохнула мельничиха. – Мы отказали, так он графу пожаловался. Граф и приказал выдать за него. С ним не поспоришь. Потом бед не оберешься.

– Ах, пройдоха лавочник, – всплеснула руками Фацина. – не кормил сироту, не растил, а готовую работницу забрать милое дело.

– Пройдоха. И скупердяй, скажу тебе, – закивала мельничиха. – Сразу заявил, что подарком от графа за первую ночь делиться не станет. Говорит, приданого не ахти, девка тоже, так пусть хоть это. И работникам своим платить не любит, наши к нему и наниматься не хотят.

– И сдалась ему эта уродка? – Фацина даже отложила пирожок. – Ждёт, что за её невинность много дадут? Да граф вовсе откажется. Ему и так все девки достаются!

Мельничиха только махнула рукой.

– А про защиту девкину помалкивай, – напомнила она. – Ничего Реддит от нас не узнает. Вдруг, если скажу, то нам и прилетит?

С этой стороны Фацина дело не рассматривала, так что

недоверчиво покачала головой, подумала и кивнула.

– Ну-ну, – сказала, – будет ему, значит, после свадьбы радость...

– Скажу, что ничего не знаю, – усмехнулась Бельдина. – Мы-то к ней всегда с добром...

Глава 2. Посиделки у невесты

Пшено перебрать, лестницу отмыть, помочь нанятой кухарке с тестом и перемыть посуду... работа есть всегда. Однако под вечер матушка Бельдина спохватилась, что Марисе надо показаться на девичьих посиделках. А то люди осудят, что сироту обижают! Так что добрейшая мельничиха велела ей переодеться в чистое и отправляться к девицам побездельничать, и чтобы не забыла прялку.

Мариса охотнее пошла бы спать. Нет, на посиделках, конечно, весело, но она устала. И лучше бы сейчас в сладкой дреме подумать о том рыжем, что встретился сегодня на речке. Она неплохо его рассмотрела. В прошлые встречи лорд ей даже не запомнился. Теперь она заметила всё – его волосы вьются и, наверное, всегда в беспорядке, у него красивые глаза, темно-серые и немного в зелень. Он высокий, крепкий, и кажется ловким, сильным. Конечно, о таких мечтах никому не расскажешь, но и не надо! Её мечты принадлежали ей одной.

Предсвадебные посиделки не бывают допоздна – парней на них не допускают, а девушкам одним о чём говорить день напролёт? Многие уже разошлись, остальные бросили работу и занимались только разговорами.

– А, Мариса! Что так долго?.. – ласковым упрёком приветствовала её Лайна, старшая дочь дядюшки Фуртафа и сестра

невесты.

Мариса радостно ей улыбнулась – они росли вместе и дружили. Было грустно расставаться, когда Лайну отдали замуж далеко, на самый край графства.

Было принято, чтобы на посиделках с невестой находилась и взрослая женщина – приглядывать, для порядка. Чаше какая-то из молодых, вышедших замуж недавно или ожидающих ребенка. С утра тут сидела одна из тёток невесты, а теперь, выходит, отрядили Лайну.

– И не заметила, когда вы приехали, – Мариса села рядом на лавку, прилаживая за поясом прялку.

Кудель матушка-мельничиха снарядила ей небедную, и до утра не испрясть. Но хоть начать работу придётся.

– Трудно добирались, повозка сломалась, – согласилась Лайна. – А тебя тут жених доискивался. Говорит, желает по дому провести, хозяйство показать, сладостями угостить. Что ж не дозволись? Со двора убегала, что ли?

– Я на ухо тугая стала, – пошутила Мариса, радуясь, что её «не дозволись».

Нашла взглядом невесту – Умина сидела унылая и теребила на коленях свою вышивку. На Марису только глянула исподлобья. На дорогой, молочного цвета льняной ткани во многих местах виднелись красные пятнышки – Умина, похоже, то и дело колола пальцы.

А ведь она любит жениха и замуж идет с охотой, и родители довольны – жених сын старшины пекарей из города! И

приданое ей докупали в городе, шубы и дорогое полотно – чтобы не опозориться перед новой роднёй. Всё хорошо, а она грустила.

Мариса привязала нитку к веретену и бросила на пол, дёрнула, раскручивая – оно с жужжанием закрутилось на полу.

– Не повезло Маре, Реддит её сладостями накормить хотел, а не нашёл! – с шутливой завистью ввернула одна из девушек, – у него в лавке орехи сахарные появились, белые и розовые, и конфеты какие-то чудные.

– Небось не пожалеет невесте, в надежде на будущий графский подарок, – со смешком поддержала другая.

Кто-то из родни проговорился, что лавочник потребовал графский подарок за первую ночь целиком себе, и в деревне об этом сразу стали болтать. И тут же многие решили, что Реддиту золота не дождаться, не станет граф за Половинку платить.

Мариса, узнав про эти слухи, только пожала плечами. И теперь тоже. На каждую шутку не наобижаешься.

– Глупости говоришь, – нахмурилась Лайна, сердитая за подругу. – Её-то он накормит, а ты жди, пока тебе жених найдётся.

– Всё-таки страшно. Я Марисе завидую, пусть бы лучше от меня граф отказался, – понизив голос, сказала Варика, дочь кузнеца, явно продолжая прерванный разговор. – Я слышала на ярмарке, что никакого господского права на первую ночь в других графствах нет.

– Так её и у нас не было ещё при прежнем графе, мне тётка говорила, – заметила её подруга, синеглазая Яра. – А потом сила как разлилась! Опасно стало. Жених, если сам... того, и заболеть может! А граф сильный, он же колдун. Ему ничего не будет!

Умина на это кисло поморщилась.

– Вы бы меньше слушали что попало! – заметила Лайна. – А у графа совсем не больно и не страшно. И поспишь ночь на шелковых простынях. На каких тебе больше в жизни спать не придётся! Если выхода всё равно нет, нечего и переживать, – и при этом бросила взгляд на сестру, как будто для неё говорила.

– Он дурману напускает, что ли? – вытаращила глаза Урика, самая младшая дочь кузнеца, которая только-только стала ходить на такие посиделки.

– Да какого дурману! Он колдун, он силе не позволяет вырваться и тебе навредить, – значительно заявила Яра.

– Откуда вырваться?!

– Говорят же тебе, сила разлилась! Опасно!

– Да что там разлилось, кто видел эту силу и где?

Девушки спорили. Мариса закрыла глаза и опять вспомнила рыжего лорда. Интересно, он бы посмеялся, всё это послушав? И что бы сказал?..

А если вдруг за него выйти замуж, тоже пришлось бы отдавать графу первую ночь? Нет, вряд ли это и благородных касается.

– Мне тётка говорила, что в первую ночь всегда больно! – горячилась Яра. – А с графом и боли нет, и твой жених здоровый останется. Вот скажи, Мариса! Ты говорила, что у священника книжку читала про такой закон, что раньше он повсюду был – первую ночь лорду отдавать. И на Побережье, и в Предгорьях был. Давно, ещё в Начале Веков! Потому что было много силы разлитой...

– Не помню, – сказала Мариса. – Что-то читала, но уже забыла.

Она не забыла ничего из тех книг, что ей давал священник, отец Эвол. Но добавлять свои медяшки в этот спор не ей хотелось.

Вообще, священник, который учил её несколько лет до самой своей смерти, объяснял иначе. Он сказал: их прежний граф пользовался в графстве любовью и большим авторитетом. Но очень рассердил короля. Король бы казнил графа, если бы тот сам вовремя не умер. И тогда король постановил в наказание всему его графству соблюдать право первой ночи – чтобы подданные помнили о своей обязанности подчиняться. Но что именно сделал граф? Отец Эвол не стал рассказывать...

Всё равно это показалось Марисе большей бессмыслицей, чем разговоры про разлитую где-то силу. Она никогда не слышала от соседей ни о чём-то таком в их графстве, что оправдало бы такое наказание. Наказание для мужчин, хотя наказывают женщин? Хотя женщинам объясняют, какая это

милость, а вовсе не наказание, и одаривают монетами. И чем дальше, тем довольнее мужчины, и, беря в семью красавицу, они прикидывают, сколько граф ей отсыплет монет. Делят чаще так: половина родителям невесты, половина мужу. А в Начале Веков действительно был такой закон, в книгах про это написано, но это было так давно и сложно! Может, всё неправда? Выдумка не станет истиной оттого, что каким-то образом оказалась на книжных страницах.

– Пусть лучше Мариса нам почитает, – Лайна достала небольшую, но толстенькую книгу в тиснёном переплёте, – пусть почитает что-нибудь красивое.

Это была хорошая идея. Мариса охотно перелистнула знакомые страницы, нашла балладу про то, как прекрасный рыцарь отправился искать невесту своему королю и в дороге влюбился сам...

Искусно сложенные строки никого не оставляли равнодушным. Девушки охотно забыли про графа, постели которого всё равно не избежать, и сгрудились вокруг Марисы, которая нараспев читала.

Она могла обойтись и без книги – давно помнила наизусть...

Глава 3. Лорд Ивин заинтересовался

Лорд Ивин Монтери в тот день решил прогуляться. Настроение было пакостным, хотелось уйти из замка хоть демону в пасть. Ненадолго, конечно. Отправиться надолго даже туда он себе позволить не может.

Логично было взять лошадь и проехаться в удовольствие, но пакостное настроение оказалось вот таким замысловатым – требовало одиночества, и даже без лошади. Его выезд за ворота привлечёт внимание, и надо, пусть формально, отпроситься у графа – Ивин ему служит, обязан быть под рукой. Так вот, на этот раз Ивин послал к тому же демону и в то же место все свои обязанности разом.

Настроение испортила ссора с недовольной сестрицей. Вероятный жених отказался от помолвки – вот же горе! Богатый разьевшийся боров. Сначала согласился жениться на знатной девице почти без приданого, потом передумал. Ивину жених не нравился, и то, что его мнение не берется в расчет – тоже. Он пытался сестру успокоить – только хуже вышло. Разве расстроеным девицам можно что-то втолковать? Да никогда! Сестра срочно желает замуж! И даже матушка жениха одобрила – у него много земель, он богат, как набитый золотом мешок, и когда-нибудь унаследует титул. И

похоронил уже двух жён – точно сокровище...

Ходьба ногами лечит от хандры. Когда он добрался до излучины, то пришёл к выводу, что всё неплохо и будет лучше. Когда он увидел возле заводи девушку, которая полоскала бельё, его как молнией прошибло. Маленькой такой молнией – она сверкнула и вошла куда-то в позвоночник, заставив ощутимо вздрогнуть.

Просто деревенская девчонка, которая, подоткнув юбку так, что обнажились колени, энергично взбивала речную воду выстиранным полотенцем. И целая гора белья, уже отжато-того, скрученного, была аккуратно сложена в корзине возле её ног.

Девушка выпрямилась, встряхнула полотенце, расправляя – видимо, решила ещё раз оценить качество стирки, потом сложила и бросила в корзину. А сама она потянулась, выгнулась вся, распрямляя уставшую спину – гибкая как кошка, и красивая. Эх...

Дядя-граф давно говорил: хочется девку – скажи управляющему, вопрос на пару монет. Но можно ли таким образом получить эту – вопрос. Девственницы и красавицы на выда-ние – это сливки, пенка с которых достаётся дяде и только дяде.

Ивин захрустел ветками, и незнакомка услышала – вздрогнула, дернулась, явно желая сбежать, но все же нехотя повернулась к нему. И это было ещё одно потрясение: правая сторона лица девушки оказалась изуродованной. Шрамы

от ожогов и рубец у подбородка – здесь кожа когда-то была рассечена.

Проклятье! Как так?..

Девушка присела в небрежном поклоне и схватила корзину, желая поскорее уйти. Он остановил, стал задавать вопросы – вдруг оказалось, что нельзя вот так взять и отпустить её!

Девушка оказалась не испуганной скромницей, отвечала уверенно и даже насмешничала с лордом – это было неприлично, по крайней мере ни одна служанка в замке так себя не вела. При этом Ивин рассмотрел, что она ещё и прихрамывает, и рука у неё тоже испорчена – вроде бы не вполне сгибается в локте. Вот же жалость, за что ей так досталось? Сказала – с детства. Была ребенком, когда покалечилась.

Но ведь её шрамы можно убрать почти совсем – колдуны этим занимаются! Просто это стоит денег.

Её зовут Мариса. Имя вдруг рассыпалось по языку сушёным вайским орехом, в меру соленным и приправленным драгоценным джубаранским перцем. Это очень вкусно...

Ма-ри-са...

Она ушла, сгибаясь под тяжестью корзины, а Ивину было досадно, что нельзя забрать эту корзину и донести, и поговорить с девушкой ещё. Это привлечёт ненужное внимание.

Какая же она странная, и откуда только взялась?..

Обратная дорога к замку показалась Ивину гораздо короче. Его отсутствия никто не заметил. Ивин спросил о сестре и услышал, что леди Валина на пару с компаньонкой вы-

шивает у себя в комнате. Вышивает – вот и замечательно. Ивин отправился на кухню – добыть себе кусок пирога, чтобы перехватить до обеда, поскольку пришлось обойтись без завтрака.

Черная кухарка* Карита была известна тем, что знала всё и даже чуть больше. И её пироги, даром что готовились для слуг и из чего попало, были подчас вкуснее тех, что попадали на графский стол – должно ведь и слугам иногда везти больше, чем графу.

У старой Кариты не было драгоценного перца, мускатного ореха и прочих поварских радостей, зато хватало дикого чеснока и прочих трав, которые росли в лесу или на огоро-
дик. И кто знает, что именно из того, что накануне принесли охотники, попало под её нож. Но Ивин получил большой кусок пирога из тёмной несеянной муки, от одного запаха которого хотелось петь, и вдобавок к нему кружку взвара из диких груш.

Он откусил пирог, убедился, что вкус не хуже запаха, и спросил:

– Ты не знаешь ли в деревне такую Марису? Живёт у мельника. Работает у него, что ли?

– Кто не знает Марису, – живо отозвалась старуха. – Она выросла здесь. Ее Половинкой зовут, потому что ровно наполовину пожаром отмеченная. Лицо, рука, нога. Бедняжка. Точно Половинка. А хороша была бы девка!

– Так кто ей мельник?

– А вместо отца. Взял на воспитание. Она, Мариса – сирота.

– Опекун? Откуда она взялась? Кто она вообще? – всё больше интересовался Ивин.

– С матерью в обозе приехала. Мать ссадили, потому что захворала. Не в замке, что вы, милорд, нет. В деревне на окраине. Там старая вдова жила, знахарка, она и лечила бедняжку. Та животом маялась, от боли плакала, ничего не помогло. Говорили, что зельями не помочь, колдун был нужен. Вы ешьте, милорд.

– Потом что?

– Мельник отвез её в город в монастырь, там монахини лечат, у них амулеты лекарские есть. Фуртаф добрый человек. Девочка, Мариса, была тут, её взяла здешняя нянька, что смотрела за маленькой леди. Знахарка у себя оставлять не стала.

– Девочка была уже такая, как сейчас?

– Нет, – помотала головой Карита. – Она была очень хороша, с какой стороны ни глянь. И тут скоро эти дела начались. Графа Ингард умер в Гарратене – об этом сообщили. Графиня, леди Камилла, вернулась с дочкой из столицы сюда, но с горя слегла и больше не встала. Отряд прискакал за ними. А дочка сбежала. Как так вышло, мне не известно. Сола бегала, плакала, с неё ведь спрашивали. Видно, в лесу заблудилась маленькая леди, её волки съели. В тот год волки были злые. Кости обглоданные и лоскуты от платья нашли за

дубравой. Ох, потом никогда не было таких волков! И пастушка задрали, и двух егерея молодых! Детей в лес долго не пускали! – она горестно покачала головой.

Ивин невольно нахмурился и потянулся рукой к кольцу, что носил на шее уже много лет – кольцо, что дала ему та самая дочка графа Ингарда Раузага и графини Камиллы. Кольцо было сделано на руку взрослого, и двенадцатилетний Ивин носить его не мог, поэтому после помолвки надел на шнурке на шею. Так же поступила его семилетняя невеста – ей кольцо на серебряной цепочке надела на шею леди Камилла.

– Я помню, – с улыбкой закивала повариха. – Как вы с отцом, милорд, приезжали сватать маленькую леди. Было бы всё по-хорошему, были бы все живы – и вы с леди Минель уже поженились бы. Три года назад ей стукнуло бы шестнадцать.

Ивин только скупой кивнул. Давно стало можно снять с шеи кольцо, отец, граф Корбут, так и велел поступить, когда пришло известие из Финерваута. Правда, Ивин кольцо не снял, а отец не стал возражать. А почему не снял? Может быть, захотелось сохранить какую-то память о той девочке из Финерваута, судьба которой сложилась так плохо. О невесте...

– А вы бы и графом у нас могли стать со временем, милорд, – совсем тихо сказала Карита и вздохнула. – По воле Пламени. Будь вы мужем леди Минель...

– Об этом не надо, – махнул рукой Ивин. – Давай дальше про Марису. Где, говоришь, случился пожар? В замке?..

– В домике лесника, – пояснила Карита. – Нянька тогда из замка ушла, она с управляющим не поладила. Ушла с девочкой вместе. С Марисой. А лесник ей был какая-то родня.

– А пострадала только Мариса? – продолжал Ивин расспрашивать.

– Она одна в доме была, – закивала повариха. – Как вышло, не знаю. Но вытащили её и в монастырь отвезли к монахиням, чтобы лечили. Она у них больше года жила. Потом вернулась к Золе. Это няньку так звали. Они жили тут, в деревне, почти год.

Ивин, услышав имя, тут же вспомнил – невысокая женщина в кружевном чепце ведет за руку его невесту. А перед этим Ивин с леди Минель гуляли в парке – одни, без провожатых, катались на качелях и, в общем, остались довольны друг другом. Первая робость прошла быстро, Минель задорно смеялась каким-то его дурацким историям, наполовину выдуманным, потом потащила его к пруду, в котором цвели лилии и жили ручные рыбы. Но вокруг пруда росли ещё какие-то колючки, и Ивин тут же разодрал свою новую бархатную куртку, и та же Зола с помощью горничной так залатали прореху, что камердинер отца не сразу заметил.

Итак, та самая Зола.

– А что случилось с Золой потом?

– Умерла зимой. Простудилась.

– А Мариса оказалась у мельника.

– Оказалась. Фуртаф человек хороший. Вот, и замуж её выдаст. Скоро уже, меньше недели осталось до свадьбы. И дом у жениха богатый. Всё у неё будет, если не оплошает. Я на свадьбу пойду, жених мой внучатый племянник.

– Понятно, – кивнул Ивин. – Спасибо, Карита. Вкусные у тебя пироги.

– На доброе здоровье вам, милорд...

Известие о скором замужестве этой девушки и удивило Ивина, и отчего-то царапнуло. Значит, уродство Марисы не оттолкнуло какого-то мужчину. Скоро её отдадут ему навечно, а перед этим привезут сюда, к дяде. Он, Ивин, и привезет, с некоторых пор это его постылая обязанность – доставлять девиц в замок.

Он не стал спрашивать, кто жених. И вообще, слишком много внимания деревенской девке. Ему и без неё есть, о чём беспокоиться. Расспросил, узнал, забавно – ну и всё.

Не столько встреча с Марисой, сколько разговор со старой поварихой разбудил у Ивина воспоминания. А ведь когда он после многих лет приехал сюда, в Финерваут – его память молчала. Нет, Ивин не забывал, конечно, куда ехал, что был здесь мальчишкой и впервые в жизни был помолвлен. И как они с отцом гостили тут десять дней. Но это были старые, полустёртые, ненужные, присыпанные горькой пылью времени воспоминания – прежних хозяев давно нет в живых. Их счастливая жизнь прервалась уже через год после...

Теперь воспоминания обрели яркость, как будто всё случилось вчера. Граф Ингард, леди Камилла и Минель...

Мать Ивина, леди Амалтея, радовалась помолвке. И сам Ивин был уже достаточно взрослым, чтобы понимать – его будущий брак с Минель Раузаг чрезвычайно выгоден им всем. Граф Ингард, конечно, мечтал о сыне, но на тот час Минель была его единственным ребенком. Значит, её муж получит графство – если, конечно, наследник-мальчик так и не появится. Так что да, мать радовалась. Однако не могла не высказать некоторое недовольство.

– Воспитанием девочки придется заняться, – донёсся до Ивина обрывок разговора. – Не понимаю, почему Камилла этим пренебрегает. Мне доложили, что девочка вела себя, как дочь кухарки. Бегала по парку растрёпанная. Ужасно.

– Дети понравились друг другу, вот и вели себя несколько вольно, – сказал отец. – Скорее это хорошая новость.

– Какая разница. Они уже помолвлены. Камилла должна беспокоиться о том, какое впечатление производит на нашу семью её дочь.

– Прекрасное впечатление, – заверил отец. – Милый ребенок. Будет красавицей.

– Для леди главное – умение достойно себя держать.

– Свадьба состоится не ранее шестнадцатилетия Минель, а скорее позже, – в пику матушкиному недовольству отец говорил спокойно и с улыбкой. – У неё есть время всему научиться. И вообще, вы с леди Камиллой росли вместе, она

твоя подруга и названная сестра. Она была невоспитанной?

— Она была... небрежной, — мать высказалась аккуратно. — Нельзя так говорить, но я буду молиться, чтобы у Камиллы больше не было детей. Или родилась ещё одна дочь. Пусть наш сын станет графом. Это будет справедливо!

— Нет, это будет несправедливая молитва, — строго заметил отец. — Нет никакой справедливости в том, чтобы титул получил Ивин. Но не нам судить то, что бывает по воле Плани.

Дело в том, что Ивин не был старшим сыном и наследником своего отца. Брак графа Корбута с леди Амалтеей был для него вторым, от первой жены уже имелись двое сыновей.

А дальше всё случилось совершенно несправедливо: граф Финерваут был обвинён в измене королю и короне, и не брошен в застенки и не казнён потому, что умер сам. Графиня и наследница умерли тоже. А графство получил лорд Фино Раузаг, дальний родственник графа Ингарда, потомок боковой семейной ветви, даже не имеющей титула. И при этом лорд Фино был двоюродным кузеном кандрейки леди Амалтеи, матери Ивина — удивительно, как складываются родовые связи у знати Побережья. Двоюродный кузен, с которым она до этого никогда в жизни не виделась, получил то, что уже предназначили сыну! Мать негодовала. Кинулась за помощью к королеве, с которой тоже вместе росла и воспитывалась. Писала прошения королю — за спиной у супруга, который прямым образом запретил ей делать что-то подобное.

В результате король просьбам не внял, зато насмешки придворных ей достались...

Вот так и получилось. И чувства матери были понятны. Ивин любил отца, но понимал, что именно тот виновен в их невеселом положении. Отец был помешан на научном колдовстве, хотя сам дара не имел. Он оплачивал дорогостоящие исследования, веря, что это принесёт семье богатство. Не получилось.

Наследственные владения защищало майоратное право. Земли, замки, рыбные озера, города и деревни, порт на берегу – всё это не могло быть продано, заложено, не отчуждалось никоим образом. Отец не собирался умирать, но умер внезапно от разрыва сердца. Майорат, сердцевина графских владений, остался цел и достался наследнику. Двое других сыновей и дочь не получили ничего, потому что у графа не оказалось ничего, что не входило в майорат и могло быть завещано. Матери досталась небольшая вдовья доля, которая тоже не могла быть заложена. Небольшое приданое сестре назначил старший брат, иначе и того бы не было. Оставалось надеяться на себя – Ивину по крайней мере.

И что он никогда не станет делать – это оплачивать изыскания сумасшедших колдунов...

Глава 4. Жених просчитался

Наутро Мариса и Лайна вместе занялись высушенным бельём – хороший повод поговорить, раз накануне не удалось.

– Как тебе живётся? – начала Мариса, складывая простыни. – Привыкла к чужому дому?

– Чего там привыкать, – подруга заулыбалась, – Мужа отделили, так что дом у нас свой. Я хозяйка. Граф мне золотые подарил, эти деньги тоже пошли на дом. Муж всё равно дулся, недели две, не меньше. В монастырь отвёз, пока лунные дни не пройдут. Потом успокоился, простил.

– Тебя-то за что прощать, – хмыкнула Мариса.

– Знаешь, это помимо воли получается. Он не на меня злился, а на вот эту несправедливость, – Лайна вздохнула. – А я заранее решила, что меня это не тронет, ну это, с графом... Вроде как в бане помыться, готовясь к свадьбе. Должна же я была что-то для себя придумать. Это мы тут живём, под самым замком, а муж жил далеко, следующая от нас по дороге деревня уже не Финерваут. Его брат взял оттуда жену, и не к какому графу её не возили.

– Понятно, – Мариса опустила глаза. – Но ведь должны, если муж здешний.

– А там все знают, кому денег дать, чтобы не трогали. Мой муж тоже хотел. И жених Умины её донимал, чтобы до свадьбы...

– Ох, – Мариса покачала головой. – Как можно, что ты?..

За потерянную не вовремя невинность полагалось наказание – прилюдное ославление на площади, притом несчастной невесте приходилось до полуденного боя часов стоять на коленях у всех на виду, а её отцу – платить такой штраф, что и разориться можно.

– Он хотел увезти её в Гарратен, не объявляя о свадьбе, да и всё, – шепотом пояснила Лайна. – Да кто-то донёс графскому управляющему, тот обоих отцов предупредил. Так что те и думать запретили, графа гневить бояться.

Мариса только вздохнула – всё понятно. А Умину жаль. Она ничего изменить не может, а как будто перед женихом виновата. Увезти невесту в другое графство непросто, мало кто решается.

– А как это происходит, ну... с графом? – тихо спросила Мариса. – Расскажи. А то правда страшно.

– Да ничего там страшного, вот глупая, – махнула рукой Лайна. – Граф красивый мужчина. Спальня у него такая богатая, что голова кружится. Пахнет приятно. Постель и правда шёлковая.

– Да ладно тебе – спальня, постель! Я ведь не об этом! – поморщилась Мариса.

– Да чего там остального? Приходит граф в дорогом халате. Разговаривает. Вино даёт в серебряной чаше, сладкое такое Ну и... всё вроде быстро. И не больно, поверь мне. С мужем первое время хуже было, – Лайна усмехнулась, а Ма-

риса отчего-то почувствовала, как загорелись щёки.

– А что потом? – всё-таки поинтересовалась она.

– А потом ты сладко спишь, а наутро тебе приносят кашу, булочки и сладости, и горячий взвар. И графский подарок на отдельном блюде. А графа ты больше в глаза не увидишь. Вот, теперь всё знаешь, довольна? – и непонятно почему Лайна рассердилась.

– Мне хочется понять, зачем это графу, – сказала Мариса. – Правда не понимаю. Ну как можно... хотеть этого со всеми девушками графства?..

– Ну как зачем?! Тебе же сказано – сила разлилась! – Лайна рассмеялась, но как-то не весело. – Осмелится на это трудное дело твой супруг – и утонет в этой силе на веки вечные!

Мариса фыркнула, и чуть не пожелала Реддиту утонуть хоть в силе, хоть где, и не всплывать...

Ох, Пламя. Нельзя такое желать, конечно, никому, а особенно жениху. Но что делать, если другого желать не хочется?

Тогда, конечно, лучше помолчать.

Бельё уже было сложено, и тут зашла мельничиха, окинула подруг придирчивым взглядом.

– Любите вы болтать, сороки. Мы с ног сбиваемся, свадьба ведь. Мариса, дочка, вроде и не полагается, но уж очень эсс Реддит тебя в гости зазывает, ненадолго. Поговорить, дом показать. Так сходи.

– Не пойду я, – воскликнула Мариса. – Сами говорите,

что не полагается. Что я такого увижу в его доме?

— Он тебе лавку покажет, помочь ему надо, с конторскими книгами. Ты у нас читать и писать умеешь, а золовка твоя будущая не очень. А матушка их по делам в город уехала.

— С конторскими книгами? — удивилась Мариса. — Шутите что ли, матушка?

— Сходи, — решительно велела мельничиха. — Реддит будет твоим мужем, тебе его уважать надо, помогать. Если зовёт, значит надо.

— Хорошо, схожу, — сдалась Мариса и пошла за названной матерью.

В передней комнате переминался с ноги на ногу лавочник Реддит Сайно, жених, а на столе красовался внушительных размеров узорчатый коробок с конфетами и сахарными орехами.

Мариса поклонилась жениху, тот тоже поклонился.

— Поручаю невесту вашим заботам, эсс Реддит, — ласково пропела мельничиха.

Тот рассыпался в благодарностях и посторонился, пропуская Марису вперед, дверь за ними захлопнулась.

— Матушка. Ну зачем ты её отпустила! — воскликнула Лайна, которая пришла следом. — У него взгляд такой был...

— Глупостей не говори, — одёрнула её мать, — обрадовался он. Эсс Реддит уважаемый человек, они обвенчаются скоро. И ничего он Марисе плохого не сделает.

Это почтенная мельничиха знала точно, поэтому, если и

замечала масляный взгляд уважаемого эсса Реддита, то не спешила волноваться. А такие сладости она любила, но редко себе позволяла.

Мариса пошла с женихом. Усмехнулась про себя, когда он пропустил её и взял за левый локоть. Ну да, если вот так, слева смотреть, она не такой безобразной кажется. Вот зачем позвал? Ну и ладно, поглядим...

– Скоро наша свадьба, – заговорил Реддит. – Женой мне, значит, будешь. Ты девушка расторопная. Должна ценить, что в такой дом придёшь хозяйкой.

– Ну а как же, эсс Реддит, – покладисто согласилась Мариса, – буду ценить. Как не ценить такой дом!

Мысленно добавила, что ещё бы мужа другого, а то что-то к этому душа не лежит! Но только мысленно.

При этом повернулась к лавочнику – надо же глядеть на человека, когда с ним разговариваешь? А тот поспешно отвернулся и недовольно засопел.

Что сказать – Мариса ему в жёны и не напрашивалась.

– Почитать должна и слушаться, – добавил лавочник. – А я уж для любимой жены ничего не пожалею. Одарю всем, что душа пожелает. Или наоборот... – добавил он многозначительно.

– Понимаю, – кивнула она.

– Ну вот... И договорились. Пойдём в дом, осмотришься там...

– Нет, в лавку так в лавку, сами так говорили, – решительно воспротивилась Мариса. – Как это я, незамужняя, с мужчиной рука об руку в дом зайду? Примета плохая. Будь здесь сестра ваша или матушка...

– Какая ещё примета?

– Ну как же. Примета, что никогда замуж не выйду. Есть такая примета.

– Да как не выйдешь, свадьба назначена. Старушечьи байки повторяешь, – недовольно буркнул лавочник, и потянул Марису к дому.

Она оттолкнула его, отступила в сторону.

– В дом не пойду!

– Ладно тебе, пойдём в лавку! – сдался Реддит и подтолкнул её к другим дверям. – Конфет себе возмёшь. Хотя я вам уже щедро отсыпал...

Нет, плохого Мариса всё-таки не ждала. Ну не должно бы, чтобы вот так! Это ведь неприятности не только ей, но и названому отцу, дядюшке Фуртафу. Ей полдня позора, да и то многие посочувствуют, а мельнику придется раскошелиться. И это после свадьбы дочери! Фуртаф его не простит. Так что не решится Реддит с ним рассориться. И потом, все денежки от графа он себе уже выговорил.

Все равно Мариса доверяться жениху не собиралась, и спиной к нему поворачиваться – тоже. Пока она не жена, а потом – успеется. В дверь прошла первой – но искоса не переставала поглядывать...

– Вон конфеты, – он показал на коробку. – Выбериай!

– Спасибо. Я такое не люблю, – покачала головой Мариса. – Мне сказали, что надо помочь. Записывать что-то в книгу. Я готова.

Она прикинула, что стоять за конторкой спиной к стене – это ничего, вполне приличное и безопасное положение.

Реддит тем временем задвинул задвижку на двери и обернулся:

– Ну вот... – он смерил её плотоядным взглядом, от которого все её рассуждения могли гореть ярким пламенем.

Она уже отошла к стене, встала за конторку. С досадой подумала – и зачем вообще пришла? Пусть бы хоть разругалась мельничиха с Реддитом – ей что за беда?

Теперь Мариса смотрела на него прямо, он увидел её лицо целиком и недовольно поморщился.

– Зачем же вы дверь заперли? – притворно удивилась она. – А вдруг покупатели придут?

– Постучат! И вот что, я со своими делами и сам справляюсь, – буркнул он. – Конфеты, говоришь, не нравятся? Как знаешь. Хочешь помогать – вон, полы помой. За дверью ведро и тряпка. Иди, ну?..

– Нет, полы мыть я не стану, – тут же отказалась Мариса, – я пока вам не жена. Стану женой – тогда и буду мыть. Может быть...

Лавочник тяжело выдохнул.

– Дерзкая ты. Надо поразмыслить, такая ли мне нужна?

Другая на твоём месте постаралась бы, подластилась...

Мариса на это только кивнула – слышала, дескать.

Подумав немного, при этом не переставая разглядывать девушку исподлобья, Реддит шагнул к ней.

– Ты... вот что. Давай уже... это. Жемчуг подарю к свадьбе, целую нитку под шею. Хочешь?

– Не хочу, – уверенно отказалась она. – Чего это вы придумали? Не подходите, я кричать буду!

– Тихо ты. Чего кричать? Длинную нить куплю, по грудь. По округе ни у кого такой не будет! Только у моей жены!

– Вы же знаете, что мне за это полагается... – напомнила она, ещё надеясь, что всё обойдётся.

Собственно, даже если... лавочник Реддит выше её на ладонь и мужчина упитанный. На вид здоровяк, но она не постесняется бить его по любому месту, если будет надо. Так что страха, как ни странно, не было.

– Да что с тобой станется? – протянул он презрительно. – Пустяки. Ты бойся, если я буду недоволен!

– Про отца подумайте, ему штраф платить...

– Вот глупая. Да что о нем думать? Он тебе хоть приданое приличное дал? Мать моя ходила смотреть. Дешёвая шуба, дешёвые сапоги, и прочее такое же. Ну, не глупи, не упрямясь.

– Нет... – она прижалась спиной к стене.

– Ничего с тобой не будет. Граф тебя не позовёт, это я точно знаю. На пирушке вчера говорили! Граф распорядился

уже. Люди знают.

– Если так, всё своё в срок получите.

– Ты погоди. Говорю же, жемчуг подарю, заглядишься, все позавидуют!

Он шагнул к Марисе и обхватил её руками, она брыкнулась и заехала ему локтем куда-то в шею, ударила сильно – он охнул и отпустил девушку, но тут же ринулся опять.

– Ну нет, жаба болотная, как я решил, так и будет...

– Помогите! – завопила Мариса так громко, как только смогла, одной рукой махнула, как кошка, вцепившись когтями в физиономию жениха, другой схватила с конторки увесистое пресс-папье с кованым навершием и швырнула в окно.

Посыпалось разбитое стекло.

И тут же кто-то сильно стукнул в дверь, а потом ещё, навалился – и задвижка отлетела, а дверь распахнулась.

Мариса ожидала увидеть кого угодно, но не лохматого рыжего лорда, встреченного вчера на реке. Из-за его плеча выглядывал стражник из замка – на этот раз лорд явился не один.

Она прижалась спиной к стене. Реддит тяжело дышал и тёр поцарапанную щёку.

– Что происходит? – строго спросил лорд, впившись взглядом в Марису.

– Всё в порядке, милорд, – поспешил ответить лавочник. –

Это моя невеста. Самую малость повздорили. К свадьбе помиримся и будем жить душа в душу.

Услышав такое, Мариса быстро улыбнулась – ну надо же! Обещание хоть куда. И вообще, как же лорд дверь-то выбил? Дверь в лавке тяжелая, дубовая, и задвижка кованая. На ночь ещё и запор особый кладётся в тяжёлые железные петли – можно осаду держать. Но это на ночь...

Рыжий молчал и продолжал смотреть на неё, ожидая ответа. Она глянула ещё раз на его руки – крепкие, мужские, но всё же обыкновенные на вид, и ответила:

– Всё хорошо, милорд. Это я увидела мышь. Вон там в углу, – она показала, где именно.

Рыжий засмеялся и всё равно взгляд не отвёл.

– Ох какая мастерица врать!

– Что вы, милорд. Там полно мышей. Их мой жених любезный расплодил без меры. Кота могут съесть! – выдала и услышала, как позади неё закричал Реддит.

Кстати, про то, что мышей полно, она наверняка не соврала.

– Мышей боишься, значит... – насмешливо протянул рыжий.

– Боюсь, милорд.

– Ладно. Так и порешим. Слышишь, любезный? – он повернулся к лавочнику, – если девица ещё раз испугается, я лично хозяина мышей в замок отправлю, в подвал, до самого утра свадьбы. Девица нужна его светлости свежая и доволь-

ная, а то ещё споткнётся о какую-нибудь мышку...

– Что вы, милорд, – закивал Реддит. – Я, со своей стороны... Я его милости покорный слуга.

– Это всё хорошо. Но я велю старосте лично справляться у девицы каждый вечер, не пугалась ли она мышей. И так до самой свадьбы.

– Ох, что вы, милорд, – Реддит стиснул зубы, но больше возражать не посмел.

Хотя всё шло к тому, что следующие три года или дольше вся деревня будет насмешничать, поминая лавочнику тех мышей, которых он якобы расплодил.

– Пошли отсюда, – велел лорд Марисе.

Она вышла, больше не взглянув на жениха, лорд – за ней. Стражники ждали во дворе – он взял сюда с собой четверых конных, двое спешили, один держал под уздцы коня Ивина, – и все разом уставились на лорда и девушку. Ивин кивком приказал Марисе отойти подальше. Сам двинулся следом.

– Мыши, значит! – продолжал он потешаться.

– Мыши! – подтвердила она, невинно глядя. – А вы тут зачем, милорд? Хотели что-то в лавке купить?

Как бы ни так – купить! Лорд прислал бы слугу, если уж понадобилось бы.

– Хотел, – кивнул он. – Что, ты мне врать, а я тебе правду говорить?

– Как милорду угодно.

Отчего-то именно с этой девушкой Ивину хотелось обойтись по-хорошему. И он откровенно рассказал, в чем было дело:

– Твой жених вчера пировал был в трактире. Гости спьяну его подначили, что, дескать, невеста, ты, то есть, на всё должна пойти ради него, красавца. И невинность ему подарить, а потом всё от графа стерпеть, что положено. Тебе ведь больше деваться некуда. Там пари дошло до семи золотых. Говорили, что граф тебе всё одно столько не подарит. А наутро кто-то из гостей побежал графу доносить. То есть управляющему, конечно, а тот мне сказал. Граф пока не знает. Поняла? Я и приехал поговорить с твоим женихом, а потом с опекуном.

– Поняла, – кивнула Мариса, исподлобья глянув на Ивина, и её гневный взгляд обжёг его. – Спасибо, милорд.

Вроде не в него этот гнев был направлен, а проняло.

– За тобой присмотрят, – добавил он.

– Спасибо милорд, – повторила Мариса.

Дверь скрипнула – на крыльцо вышел лавочник, но тут же поскользнулся и полетел вниз, пересчитав задом все ступеньки. Лорд присвистнул. Вдруг резной столбик, державший крышу над крыльцом, покачнулся, и несколько досок упали прямо на хозяина. Один из стражников кинулся поднимать бедолагу. Мариса не кинулась, только покачала головой, удержав на языке едкое: дескать, и крыша на голову норовит упасть, что за дом!

Дом-то как раз был хорош.

– Позвольте уйти, милорд?

– Ступай. Своим сама скажи. Вот что, ты зачем замуж выходишь? Отказаться не можешь? – вдруг спросил он.

Что тут и не пахнет ни любовью, ни чем-то другим хорошим, было заметно.

Мариса только грустно улыбнулась, и, подбирая юбку, пошла по дороге, слегка прихрамывая. А Ивин в который раз с сожалением подумал – какая была бы красotka, если бы не это вот. И замуж по-другому бы выходила. Хоть и сирота! А за деньги большую часть её шрамов можно бы убрать бесследно, лекарское колдовство на многое способно. Часто нельзя убрать бесследно всё – такая особенность у лекарственных заклятий. Но на тот мизер, что останется, никто и внимания не обратит!

Это если иметь приличную сумму золотом. И ехать в Гарратен или ещё куда-то – здесь, в Фивервауте, таких колдунов-лекарей просто нет.

Из-за ближнего дома выскочила молодая женщина с кувшином в руках – в таких принято держать масло. Вроде бы женщина направлялась в лавку, но, увидев Марису, подбежала к ней и взяла за руку, в сторону лавки едва взглянула – хотя напротив уже появились любопытные. Вот и хорошо, Мариса не одна. Ивин отвернулся, больше не стал смотреть в её сторону – что ему за дело?

Девушка тронула его душу – тогда на реке, да и сегодня

тоже. Глупая. Пожалела женишка, а ему, дураку, посидеть в застенке сплошная польза. Может, хоть оценит её доброту. А, может, затаит – он ведь золотые потерял, с него спросят долг по пари. Ну сам виноват.

К старосте Ивин заезжать не стал, велеть справляться про мышей – на самом деле Марисе это только боком выйдет. И на мельницу не пошёл, чтобы с мельником поговорить – пусть она сама рассказывает, что захочет. Можно было возвращаться в замок, но теперь он решил не спускать с девушки глаз. И когда она выйдет замуж – тоже, первое время. И вообще...

Что граф от неё не откажется, он был уверен. Кто считает, что граф ценит красавиц, мягко говоря, не прав. Не в этом случае. Ивин уже почувствовал в девушке некий внутренний огонь, это помимо характера и ума – хотя сегодня в последнем можно было и усомниться. Но девушка Ивину понравилась. Несмотря ни на что.

Очень понравилась. Потому он и кинулся сломя голову в деревню, едва услышав от управляющего про пари на невесту, едва понял, о ком речь! А так-то опекать и спасать невест – совсем не его работа. Он этого и раньше не делал, и впредь не собирался.

Мариса вкратце рассказала о случившемся Лайне. Больше никому не пришлось, потому что почти сразу пришёл домой дядюшка Фуртаф, сам от кого-то прознавший о злосчастном

пари – не все гости лавочника, протрезвев, желали поддержать Реддита и сохранить секрет. Мельник, обычно человек спокойный, был в ярости. Он рыкнул на жену – и о чём только думала? Запретил Марисе выходить из дома одной и делать любую работу – хватит с неё, не хватало ещё, чтобы соседи попрекали, вот-де заставляют сироту работать перед своей свадьбой! А уж отправлять девушку одну к жениху в дом – да что у жёнушки вместо головы, капустный кочан? Лучше бы пересмотрела приданое, и чтобы у обеих невест всего было вдоволь. Дурная репутация долго живёт, потом от стыда не отмоешься.

Мариса сквозь тонкую стенку слышала, как мельничиха робко объясняет мужу: да девка и сама за Реддита не хочет, да ничего он с ней сделать и не мог – на ней защита, муженёк сам знает, пальцем тронь – три раза пожалеешь. Вот и пусть откажется лавочник от свадьбы, Марисе и дома неплохо. Пусть живёт как жила, а им работницу нанимать не придётся.

– Присмотрела, значит, работницу? Ишь, – мельник сердито фыркнул. – Мозгов как у курицы! Я Реддиту семьдесят серебряков задолжал, когда новое мельничное колесо справил – это первое. Помиримся и поладим. А второе – Мариса девочка нравная. Надоест ей жить у тебя в работницах, будет злиться – тебе и придется в день по три раза жалеть, да и нам всем с тобой заодно. Она с такой защитой заставит Реддита по одной половице ходить. Вот и пусть заставляет,

вот и умница.

Мельничиха ахнула, закрыла рот ладонями – Мариса как наяву это увидела. Ну что сказать...

Она зла семье Фуртафа не пожелала бы. Но в его словах резон был. Работать в чужом доме всю жизнь и даже глазом не глянуть на другие места и другие дела – этого она не хотела совсем. Хотела бы со временем уйти и жить своим домом. С Реддитом?..

Вот точно нет. Но с ним, может, удастся договориться. В конце концов, ему есть кого любить – свою вдову. Вот и пусть...

Марисе не нужна любовь. Ей нужен дом и достаток, надежность и честное к себе отношение. И она ведь не бессмертна... если Реддит слишком перепугается и разозлится. Пусть лучше ему будет выгодно.

Так она думала, и эти мысли казались ей здравыми.

Мельничиха больше не поручала ей работы, кроме как прясть пряжу с девушками, и напоминала, чтобы не забывала принарядиться. И подарила серебряные серёжки. И откуда-то в Марисинем сундуке взялись лишняя штука полотна и крытая бархатом шубка. И...

Всё равно она страшилась будущего. Не такой должна быть её свадьба, не такой должна быть её будущая жизнь.

А какой же тогда?..

Глава 5. Договор с графом

Ивин не собирался никому рассказывать про эту поездку в деревню, но неожиданно граф сам заговорил о ней за ужином. Так сложилось, что ничто, связанное с *особенным* графским правом, не обсуждалось за столом, где нередко присутствовали посторонние – гости графа, его подруга леди Льен, сестра Ивина леди Валина с компаньонкой – девице о чём-то подобном вообще слушать не полагалось. Однако сегодня...

– Ты решил проблему? – спросил граф.

– Проблему? – удивился Ивин.

– Доложил управлявший. Как у меня сегодня хотели умыкнуть красотку.

Леди Льен удивлённо заморгала, Валина опустила взгляд в тарелку, а её компаньонка эсса Тури недовольно поджала губы.

– Всё в порядке, милорд, – заверил Ивин.

– Да, мне рассказали. Тебе пришлось применить амулет, чтобы выбить дверь в деревенской лавке? – граф смотрел на крупный рубин на пальце Ивина.

Когда-то он хотел купить его у матери Ивина, та отказалась наотрез и передала сыну – фамильная ценность. Лишь на несколько мгновений даёт руке необычайную силу, а потом три дня бесполезна. Вот, Ивин использовал его сегодня – повод был не хуже прочих.

– Да, – он кивнул. – Всё в порядке.

– Хорошо, – граф улыбнулся, подмигнул леди Льен и занялся жареной перепёлкой.

Леди Льен ответила ласковым взглядом. Красавица не была леди, но никто не посмел бы обратиться к ней как-то иначе. И она не была графиней Финерваут, но фактически ею являлась. Делала что хотела в поместье, блистала на балах и приёмах, которые давал граф Финерваут, пользовалась благосклонностью королевы и была предметом острой неприязни вдовствующей графини Корбут, матери Ивина. Ну неприлично же! Что стоило графу жениться официально, к его услугам почти любая леди! Тем не менее, когда дядя пообещал устроить достойный брак для Валины, мать недолго размышляла...

– Говорят, она такая уродина! – вдруг заявила Валина, поглядев на брата. – На неё нельзя смотреть без отвращения! Это так?

Эсса Тури беззвучно ахнула. Молодая леди заговорила за столом *об этом* – как если бы заговорила сахарница.

– Правда? Неужели? – заинтересовался граф, продолжая аккуратно разрезать перепёлку. – А кто тебе это сказал, девочка моя?

– Моя горничная, милорд, – Валина опять скромно опустила взгляд.

– Работа горничной – сплетничать? Я думал, что нет, – холодно заметил Ивин.

– Оставь, – махнул рукой граф. – Все слуги такие. Это часть их натуры. Племянник, отвечай, следующая невеста действительно уродина?

– Следующая невеста, я слышал, очень красива, – ровно сказал Ивин. – Это средняя дочь мельника.

– А кто же уродина?

– Воспитанница мельника, она калека, тоже скоро выходит замуж, – пояснил Ивин. – У неё шрамы на лице. После пожара.

– Жаль, – вздохнул граф, – женщина обязана улаживать взор. Но она молодец, выходит замуж за достойного и не бедного человека. Я правильно понял?

– Именно, – неохотно признал Ивин, и улыбнулся, вспомнив, как сегодня грохнулся с лестницы жених Марисы.

А граф посмотрел на Валину, которая густо покраснела, усмехнулся и положил себе ещё одну перепёлку. Остаток ужина прошёл в тишине. Наконец граф вытер руки салфеткой и встал – знак, что остальные тоже могут покинуть стол.

– Я могу поговорить с вами, милорд? – неожиданно для себя спросил Ивин.

Граф казался расслабленным и благодушным. Кажется, этим вечером к нему имело смысл обращаться с просьбами. Понятно, почему: завтра в деревне свадьба, а значит, новая девушка появится в графской спальне.

– Слушаю, племянник, – разрешил граф.

– Наедине, – уточнил Ивин.

– Тогда пойдем в кабинет.

Ивин шёл за графом, вовсе не уверенный, что не зря поддался настроению. На самом деле его просьба любому покажется дурацкой.

В кабинете граф пропустил его вперед и сам закрыл дверь. Прошёл к креслу и сел:

– Ну вот. Я тебя слушаю.

– Милорд, прошу вас, отдайте мне эту девушку, – попросил Ивин.

– Э... что? Не понял?.. – удивление графа было самым искренним.

– Девушку, уродину, – сказал Ивин небрежно. – Я ещё не был с настолько безобразными девицами и понял, что мне любопытно. Прошу вас, милорд. Я готов... расплатиться, да.

Граф немного помолчал, а потом раскатисто расхохотался.

– Я тебе говорил, к кому обращаться за девками? – спросил он, отсмеявшись. – К моему управляющему. Не ко мне. Чего тебя разобрало на порченный товар?

Отношение Ивина к Марисе было вовсе не как к порченному товару. Даже, так скажем – каким-то дивным образом девушка ему очень понравилась. Дивным образом – потому что до сих пор он не менее графа был взыскателен к женской красоте.

– Сам не знаю, – он пожал плечами. – Хочу попробовать. Это же забавно.

– Да ничего забавного, должен заметить, – граф разглядывал его исподлобья. – Если твою мужскую суть возбуждает уродство, то сочувствую тебе. Только вкусное вино следует пить. Прокисшее портит желудок.

– Хочу испытать себя, милорд, – выдал Ивин другой аргумент. – Чем она уродливее, тем интереснее. Дядя, я давно дал себе слово, что сделаю нечто подобное... – это он выдумал на ходу.

– Да ну? Повеселил, Монтери, – хмыкнул князь. – Не забывай, она никуда не денется. Давай потом сделаю тебе подарок – заплачу её мужу, чтобы ты пользовался. Он не посмеет отказать.

– Я хочу именно *право*, – настаивал Ивин. – Чтобы была нетронутой, – он сдернул с пальца кольцо и протянул.

Подумал ещё – мать не простит потерю рубина, но отчего-то ценность артефакта отступила на задний план. И была нестерпима мысль, что странную девушку скоро получит граф. Её будущий муж, это недоразумение, не беспокоил, а вот граф – он имел значение.

– Ты хорошо подумал? – граф взял кольцо. – Тебя точно разобрало, как я вижу. Да ещё бы я в твои годы в себе сомневался! – он опять засмеялся.

Потом подумал, наморщив лоб, посмотрел на Ивина и кивнул.

– Хорошо. Уговорил. Так и быть, одна девчонка мне не важна. Говоришь, у неё шрамы от ожогов?

– Ещё она хромая и криворукая, – поспешил дополнить Ивин. – Клянусь, после неё не посмотрю ни на одну уродину.

– Ладно, – граф надел кольцо на палец. – На первую ночь эта несчастная твоя. Подарок за неё я дам, так и быть, – он с усмешкой взглянул на рубин. – Один золотой, чужое удовольствие большего не стоит. И умерь рвение, чтобы отдать её мужу в порядке, – он нахмурился. – Или сам готовься с ним договариваться. Понял?

– Да, милорд, – предупреждение Ивина задело. – Я не обижаю женщин.

– Пока нет недовольных, это не моё дело, – граф не без удовольствия взглянул на кольцо. – Однако сочувствую твоим близким. Ты плохой сын и брат. Отдаёшь семейную ценность ради прихоти, в то время как в Гарратене рисковал оказаться в долговой тюрьме.

Дядюшка знал, как ударить – напомнить о том, что Ивин и так не забывал.

– Я выплатил долги отца, – напомнил он, и голос его против воли прозвучал глухо, – было бы бесчестно этого не сделать.

– Долги, не заверенные магически и не подтвержденные документами, ты мог бы отдавать ещё хоть сто лет, – заметил граф. – Но ты заплатил и задолжал ещё. Чтобы вернуть долги, о которых знал ты, и больше никто. И теперь морочишь мне голову тем, что желаешь развлечься с уродливой девицей. Bravo. Ладно, – он встал. – Развлекаться полезно,

не спору. Но не забывай, что тридцать лет назад был пересмотрен список наказаний для должников-дворян, и позорный столб теперь тоже там есть.

– Да, милорд! – Ивин застыл лицом, выпрямился, поклонился. – Разрешите идти, милорд?

– Ступай. И вот что, я не желаю больше слышать нытьё твоей сестры и её несчастное личико. Поговори с ней.

– Да, милорд.

Ивин вышел за дверь, кипя от негодования. Вроде получил что хотел, но добрый дядя позаботился сдобрить ядом его удачу!

Удачу? Он лишился семейной ценности. Но за Марису этого было не жаль. И пусть это глупость, временное помрачение, но...

Ему хотелось получить Марису! Провести с ней ночь! И не просто абы как провести. Девушка притягивала. А поначалу, когда не видно было уродства – она показалась такой красавицей, что равных ей он просто не знал. Красавица... наполовину! И все достанется дураку-лавочнику...

Верно, придется отдать её мужу. Он получит Марису на одну ночь! Но он, а не граф.

И ей будет за что его благодарить, но – она не догадается...

Глава 6. Свадьба Умины

В день свадьбы Умины с утра гости собрались у дома мельника Фуртафа. Играли нанятые музыканты, во дворе спозаранку накрыли столы для гостей – ещё не свадебный пир, но не голодать же людям в ожидании. Приглашённый шут явился накануне и проспал ночь на конюшне, а с утра его накормили, налили чашу вина – пока ему единственному, и отправили на повозке к Храму – будет там встречать жениха и невесту и желать им, что шепнёт Пламя.

После Храма молодая пара должна была бы отправиться в дом жениха, где и устраивали основной праздник. Но в последнее время в Финервауте делали иначе: молодые возвращались в дом невесты, откуда её забирали люди графа, а гости гадали, какое «второе приданое», то есть графский подарок, принесёт невеста. Утром невеста возвращалась домой, после чего переодевалась в красное платье новобрачной и вместе с мужем ехала в дом жениха. Эта новая свадебная традиция порой заставляла стариков морщиться... но не всех. Возражать, недовольство показывать – только делать себе хуже.

Красное платье Умины повесили в главной комнате – его заказывала в городе семья жениха, заплатила щедро, и теперь все могли зайти и полюбоваться. А пока невесту одели в белое венчалное платье, украшенное по подолу кружевами,

и жемчужное ожерелье, что извлекла мельничиха из заветной шкатулки – невесте оно необычайно шло. Это ожерелье ещё предстоит надевать на свадьбу третьей дочке, а потом настанет очередь внушек.

Платье-то надеть труда не составило, а вот с прической старшей сестре, Лайне, повозиться пришлось, переплетая лентами и нитями бус гладкие блестящие пряди Умины – состав для волос купили у знахарки. Мариса помогала. Невеста была, по всеобщему мнению, необычайно хороша. Покрутилась перед зеркалом, дала матери и теткам себя осмотреть и похвалить, а когда настала пора выходить, чтобы ехать в Храм – рухнула на лавку и горько расплакалась.

– Да что такое, сестричка! – всплеснула руками Лайна и села рядом, обняла её. – Ну-ка рассказывай, всё как есть! Пока не поздно, говори!

Хотя, как ни посмотри, а было поздно. Каким ужом теперь извернуться, если, к примеру, свадьбу придется отменить? Да что за причина, неужели?... Поверить невозможно!

Мариса смотрела на названую сестру со страхом и сочувствием.

Умина потянулась к Лайне и зашептала ей на ухо, та внимательно слушала, покачивая её в объятиях. По выражению её лица, точнее, по облегчению, которое на нём отразилось, Мариса сразу поняла, что ничего страшного.

– Вот же дурочка, – заговорила Лайна. – Ну и что, что он недоволен. Твоей вины ни в чём нет. Недоволен – не женился

бы, ехал бы в Гарратен к родне и женился там. Отцу что ли рассказать, пусть с ним поговорит?

– Нет-нет, – вскинулась Умина. – Не надо отцу...

– Твой Сурит, если ему что-то не нравилось, и должен был решать, как по-своему повернуть. Причём заранее, а не теперь изводить тебя придирками, – сказала сердито Лайна. – Не нравится ему, так и откажись идти замуж, только открыто скажи, какая причина. Что-де жених тебя с графом делить не желает.

– С ума сошла? Я умру лучше! – испугалась Умина. – Всё равно, что делать? Говорит, он сам не знает, сможет ли меня любить после этого... А ведь любил, и я его больше жизни!

– И он дурак, и ты дурочка, – вздохнула Лайна. – Некого тут винить. Всё хорошо будет, не бойся. Он не совсем у тебя глупый.

– Говорит, до моих лунных не тронет меня, – это Умина прошептала еле слышно.

– И правильно. За это время успокоится. Родители ему разум поправят. Не плачь больше, поняла? И ни думай ни о чём, не тревожься.

В дверь постучали – пора.

– Пойдём, – Лайна подала сестре руку. – Там отец за дверью. Ему не плачься пока...

Умина закивала, посмотрела на Марису, улыбнулась.

– Что я за глупая? Тебе ещё хуже будет, да? Ты следом идешь, желаю тебе счастья...

Мариса подошла к ней, девушки обнялись.

– Да не будет мне хуже, – сказала Мариса. – Ты будь счастлива.

Она, тоже невеста, после венчания уже не подойдет к Умине, и за свадебным столом завтра ей не сидеть – не положено. Ей можно будет только в щелку посмотреть. А через три дня она сама поедет в Храм...

Лайна вывела сестру за дверь и передала её руку отцу. Дядюшка Фуртаф вместе с женой благословят дочь и её жениха, и тот в украшенной цветными лентами повозке повезет её к Храму, и больше не выпустит её руки до самого венчания. Они сойдут с повозки, не доезжая – к Храму следует идти пешком. А по дороге их поздравит и благословит шут – старинный обычай ещё со времен Древних...

– Вот дурак жених! – в сердцах сказала Лайна, вернувшись. – Не мог лучшего счастья найти, так радоваться надо тому, что есть! А он её ревностью изводит. Так и отходила бы его скалкой. Ладно! – она махнула рукой, – переживут, куда деваться.

Марита кивнула молча. Прошла к дверям по опустевшему дому, выглянула.

Родители как раз благословляли невесту. А чуть в стороне стояли стражники из замка – и зачем они тут сейчас?..

И она вдруг встретила взглядом с тем, своим случайным знакомцем – он был среди стражи. Отчего-то посмотрел пристально и странно. Мариса поспешно спряталась...

Она видела уже немало свадеб, и всегда люди графа приезжали за невестой уже после венчания и поздравлений. Вот некстати они тут – жених Умины и так против, а ещё графские посланцы маячат на глазах с самого утра. Он, значит, поедет венчаться сердитый, и Умине от этого никакой радости!

Марисе лучше, ей всё равно, доволен ли Реддит. Хотя после того, как лорд ему помешал, наверняка тоже будет злиться. Лорду злость не посмеет показать, а вот ей, Марисе – не постесняется.

Она осторожно выглянула в другое окно – рыжий как раз уезжал со двора, как влитой сидел на красивом гнедом жеребце. От ворот оглянулся, быстро оглядел дом, и каким-то дивным образом их взгляды опять встретились. Он усмехнулся, а Мариса отпрянула от окна, прижалась спиной к стене. И чего это он?..

Она снова выглянула. Рыжий уехал, и трое стражников за ним.

– И чего явились, – Лайна тоже подошла. – Лорд Монтери о чем-то поговорил с отцом.

– Лорд Монтери? Откуда ты знаешь, как его зовут? – Мариса обернулась к ней. – Он после твоего отъезда тут появился.

– Он через наш городок проезжал, жил в трактире моего свекра, – пояснила Лайна, – мимо нас никто не проходит. Я подавала ему обед. Хоть мы и живем своим домом, но рабо-

тать мне приходится у свёкра.

– И как же его полностью зовут? – отчего-то Марисе захотелось узнать.

– Лорд Ивин Монтери, – ответила Лайна. – Он племянник нашего графа. И сам сын графа, но другого. А сам беден, как все говорят.

– Что-то он не похож на бедняка! – Мариса даже засмеялась. – И как сын графа может быть бедным, не пойму? Графство не проиграешь и в трактире не спустишь, и оно всегда даёт деньги. Графу ведь платят подать!

– Можешь мне поверить. Он не первый сын, графство его отца досталось другому. Знатным людям важно одеться, как полагается их породе, и иметь лошадь, и пустить пыль в глаза своим видом, и ради этого они влезают в долги и не торопятся с отдачей. А на деле иные не богаче работника у нас на мельнице.

– Ты шутишь? – не поверила Мариса. – Смешно!

– Не шучу. Не будь наивной, дорогая. Я в нашем трактире уже на всяких посмотрела! Пойдём, поможешь мне разлить вино по кувшинам. Столы надо накрыть.

– Он забирал невесту с прошлой свадьбы, – сказала Мариса. – Для графа. Я думала, он и теперь за этим.

– Да, он? – Лайна поджала губы. – Вот как... Тогда чтобы ему споткнуться!

Разлить вино, разнести оставшиеся блюда на столы, что заняли половину обширного двора – немудрёная работа по-

могла скоротать время до приезда новобрачных. Свадебный возок, гремя бубенцами, влетел в распахнутые настежь ворота. Сурит, теперь муж Умины, подхватил жену на руки и снес с возка. Потом они долго стояли у крыльца и принимали поздравления, а подарки гости складывали на отдельный стол. Мариса теперь не высовывалась, разве что посмотрела немного в щель между занавесками. Лайне, как близкой родственнице, досталось всего – она с мужем поздравила новобрачных, посидела за свадебным столом, то и дело срывалась, чтобы подать-принести, раздавала указания нанятым помощникам, и присела с Марисой за стол в кухне – поболтать о том о сём и вместе съесть по куску сладкого свадебного пирога. Она была усталая и веселая. Да и Умина с Суритом вроде не грустили.

– Наладилось. Я ведь говорила, что всё будет хорошо, – тихо сообщила Лайна Марисе. – Сурит не дурень, с отцом дела ведет, всё понимает. Ведь нет выхода, и родных подвести нельзя! А Умина красавица, таких в округе больше нет! Вот привезёт завтра кучу золота от графа, и подавно все будут рады!

Солнце ещё светило ярко, но пошло к закату и удлинились тени, когда к воротам подъехала простая, без украшений и гербов большая карета, запряжённая четвёркой лошадей. Без шума и звона бубенцов – эту карету ждали и её появление не пропустили бы ни за что. Карету окружали семь всадников, трое из них въехали во двор, спешились и двину-

лись к новобрачным. Один шёл впереди, и это был не рыжий Ивин Монтери. Рыжего вообще не было! Сурит, муж Умины, вскочил и заслонил её плечом. Мариса, которая не утерпела и выглянула, поразилась, какая неприкрытая ненависть застыла теперь на его лице.

Навстречу приезжим вышел дядюшка Фуртаф, поклонился, посланник графа в ответ тоже изобразил легкий поклон. Они обменялись короткими фразами, и мельник двинулся к дочери. Мариса замерла – что, если Сурит...

Нет – мужчины, друзья или родственники, предусмотрительно оттерли его от невесты. Умину взял за руку отец. Она покорно пошла к карете. Открылась дверца, её посадили, дверца захлопнулась. Мариса, которая к тому времени уже вышла на крыльцо, заметила, как внутри кареты мелькнула женская фигура – там уже сидела женщина, которая, как видно, явилась сопровождать невесту.

Карета сразу развернулась и понеслась по пыльной дороге, всадники пристроились по бокам.

– Ну вот, теперь осталось посмотреть, сколько наша невеста привезёт монет! – громко сказала одна из многочисленных родственниц мельника.

Утром та же карета привезла Умину обратно. Было уже не раннее утро, и во дворе опять собрались почти все, кто только смог прийти. Один из сопровождающих открыл дверку и помог выйти невесте – в том же свадебном платье, она снова казалась невестой. Умина тут же попала в объятия матери,

отец стоял рядом. Из кареты высунулась изящная женская рука, поманила мельника, приказывая подойти. Тот подчинился.

Леди, сидящая в карете, нагнулась и негромко сказала:
– С девушкой все отлично. Но она устала, уложите её поспать ненадолго.

Мельник поспешно поклонился и закивал:

– Конечно, миледи!

Дверка захлопнулась, карета уехала. Умину мать, обняв, увела к дому. Невеста действительно казалась уставшей, шла покачиваясь. В руке она несла кошелёк, и со стороны уже было видно, что он далеко не полон. Следовало развязать кошелёк и показать содержимое, чего мать делать не стала. Она уже поняла, что там слишком, слишком мало для их первой в округе красавицы. Как же так? Им-то ничего, а новая родня не поймёт.

Умину увели в дом и уложили – и без советов ясно, что той необходимо было отдохнуть. Тем более что и жених пока не просыпался. Сурит накануне много пил и громко объявлял всем и каждому, что не собирается пока трогать невесту, и унять его удалось не сразу. Ну а в остальном весёлая была свадьба, все остались довольны.

В дальней спальне, сидя рядом с дочерью, мельничиха и развязала злосчастный кошелёк. Так и есть – из него выпали две монетки, впрочем, золотые. Мало! Мельничиха вздохнула – придется доложить ещё несколько, отдавая родителям

жениха якобы их долю, чтобы не позорить девушку. И что же графу не понравилось? Не с той ноги встал? Все деревенские дурнушки получали больше. Старшую дочку и вовсе одарили щедро, молодые, считай, хороший дом себе на те деньги поставили!

Мариса ушла к себе в каморку, от людей подальше, и села прясть – чтобы хоть чем занять руки. Ах, сбежать бы и вовсе куда-нибудь далеко!

Всё обошлось: Умина, проснувшись, чувствовала себя здоровой, её муж к этому времени тоже оказался проспавшимся и притихшим. И свадьба пошла своим чередом – новобрачную переодели в красное платье и увезли в город, в дом жениха. Часть гостей последовала за ними, а часть продолжила праздновать у мельника. Мариса, конечно, осталась дома, и даже поздно вечером вышла к праздничному столу – чего там, остались все свои. Лавочник Реддит не пришёл, кто-то обмолвился, что он вовсе укатил из деревни – вот и хорошо. Впереди, только руку протяни, была свадьба самой Марисы....

Граф Финерваут за завтраком был не в настроении. Леди Льен надела маску приличной безмятежности и сочувственно ему улыбалась. Граф отодвинул подальше кашу, положил себе кусок мясного пирога и щедро полил его соусом. После чего исподлобья взглянул на Ивина.

– Почему не выполнял свои обязанности?

– Простите, милорд? Вы что имеете в виду? – удивился тот.

– Почему не ты вчера привёз девушку?

Компаньонка леди Валины закашлялась и закатила глаза.

– Что с вами? – граф повернулся к женщине. – Вы больны, эсса? Тогда зачем выходите из своей комнаты?

– Простите, милорд, – пробормотала эсса и уткнулась в свою тарелку.

– Я всё устроил, милорд, – объяснил Ивин. – Разве что-то было не в порядке?

О том, что девушка не оправдала ожиданий, ему уже сказали. Но с этим он ничего не мог бы поделать. Бывает.

– А ты сам? – граф сверлил его взглядом.

– Мне нездоровилось, милорд. Боюсь, в моем состоянии никак нельзя было выполнять обязанности лично.

– И что у тебя заболело? – ровным голосом поинтересовался граф.

– Милорд, позвольте мне не отвечать на этот вопрос за завтраком.

Леди Льен еле заметно улыбнулась. Граф бросил на племянника долгий взгляд и отвернулся.

Ивин сам не знал, почему он сначала поехал к дому мельника утром, а потом решил не ехать вовсе. Верный ответ – так ему захотелось. Но графу такой не понравится.

Граф недовольно посмотрел на племянницу, которая сидела тихо, как мышка, и приказал Ивину:

– Зайди сразу ко мне.

Ивин приказ выполнил – зашёл после завтрака в графский кабинет. Леди Льен была там, удобно устроилась в бархатном кресле, прямо над ней на стене висел портрет леди Камиллы, последней графини Финерваут – когда новый граф занял кабинет прежнего, он распорядился оставить портрет прекрасной дамы на месте. Матушка считала, что леди Камилла была предметом его тайной страсти, и делилась этим соображением со всеми желающими. Ивин, однако, готов был спорить, что граф не способен ни на какую страсть, тем более глубокую и тайную. Некоторые графские секреты, о которых посторонним леди неизвестно, говорили за это. Просто леди Камилла была красивой женщиной, а графу нравилось всё красивое. Портрет был отличный.

– Девчонка оказалась пустышкой, – сходу заявил граф Ивину. – Совершенной пустышкой! Как пыльный сухой горшок.

– Сочувствую, милорд, – ответил Ивин, уже догадываясь, что будет дальше, и внутренне вскипая оттого, что возражать с его стороны будет крайне недальновидно.

Да, но... Соглашаться – разумно, но простить себя потом будет непросто.

– Дочь мельника так красива, – сказал он. – Правда ведь, леди Льен?

– Именно так, – тут же подтвердила та. – Удивительная красавица. Меня всегда удивляло, почему самые красивые

девицы несут столь малый запас первородной силы? Если они не одаренные, конечно. Но откуда возьмётся настоящая одарённая среди здешних сельских девок? Их тут больше нет.

Леди Льен можно было доверять – она долгое время была помощницей самого знающего и одарённого.

– Мне не нужны одарённые! – пробормотал граф. – Недаром говорили, что связаться с колдуньей – семикратно пожалеть. Мне нужна чистая невинная девка с хорошей первородной силой. Если красotka – пустой горшок, то может, твоя уродина на что-то годится? Так что забудь о нашем договоре. Я её заберу. Возьмешь её потом, позже, отпросишь у мужа, если не перехочется!

Теперь Ивину следовало нацепить на физиономию выражение истовой покорности и заверить графа и благодетеля в своём послушании. «Да, милорд, конечно, милорд!»

Демона тебе лысого, благодетель – подумал Ивин. Марису он хотел себе, сколько бы у неё ни было той первородной силы.

– Нет, милорд.

– Что? – граф воззрился на него удивлённо. – Что ты сказал?..

И леди Льен замерла, перестала покачивать на пальцах ноги сброшенную туфельку. Она посмотрела на Ивина с самым чистым недоумением – дескать, ты совсем глупый, дорогой?..

Их взгляды встретились. И он опомнился. Вести себя глупо действительно не нужно. Он только потеряет, и никто ничего не приобретёт. Речь не о графе...

– Я хотел сказать, что она мне потом не понадобится, зачем бы?.. – не смутившись, пояснил Ивин. – Как прикажете, милорд.

– Хорошо, – удовлетворённо кивнул граф. – На вот, забери, – он снял с пальца кольцо с рубином и бросил на стол.

– Не нужно, милорд, – отказался Ивин. – Ваше слово и моё слово. Вы останетесь мне должны одно «право».

– Ты достойный сын своего отца, – сказал граф. – Ступай прочь.

Ивин ушёл. Он уже почти решил, как поступит, осталось продумать детали. И, собственно, это станет концом его службы в Финервауте, но ему и хотелось с ней покончить. Из каждой ситуации всегда есть больше одного выхода. Его долг банку уже пообещал оплатить старший брат. Это не решало всех проблем, но выход, идущий через Финерваут, Ивину уже совсем не нравился.

Несколько часов спустя граф встретил леди Валину на прогулке в парке. Девушка шла по дорожке в компании эссы Тори, та, как обычно, несла корзинку, в которой лежало рукоделие и книга – и то и другое на всякий случай.

– Возьми, девочка, – граф протянул ей перстень, – носи сама, потом отдашь матери. Твой брат ещё не дорос владеть такими вещами.

– Спасибо, милорд, – прошептала Валина, принимая драгоценность. – Я так и сделаю.

– Через неделю я поручу ему сопровождать тебя в Нивер. Там сейчас гостит герцог Карати, второй адмирал Кандрии, со свитой. Развеешься, там будет много интересных персон, – граф доброжелательно кивнул и пошёл дальше.

Несколько мгновений Валина смотрела на рубин.

– Я не понимаю. Ивин отдал его графу, зачем?

– Ничего удивительного. Лорд Ивин променял кольцо, – раздраженно пояснила эсса Тори. – Это ужасно. Не надевайте на руку, лучше спрячьте. Если лорд Ивин захочет его отобрать, он будет в своём праве. Девушке нельзя владеть такой вещью!

– Он не прикоснётся к кольцу, если не желает отмены сделки, – пояснила Валина. – колдовской кодекс...

Глава 7. Свадьба Марисы

Настал и этот день. Снова толпа соседей с утра собралась во дворе – теперь уже проводить к венцу сироту, воспитанницу дядюшки Фуртафа. Народу собралось даже больше, чем обычно, Мариса такого не ожидала. Может быть, людям было любопытно, как все пройдёт в её случае – ведь она не как все, а сирота безродная, да и калека к тому же. И повезут ли её к графу? Кто открыто об этом судачил, кто помалкивал...

Марису тоже нарядили в белое венчальное платье – совсем простое, надо сказать. Но она и в таком казалась себе нарядной, да и соседи, увидев её слишком разодетой, только удивились бы. Дядюшка Фуртаф на правах отца вручил её руку жениху, они с женой благословили пару. Мельничиха даже расчувствовалась и заплакала, и от души пожелала счастья жениху и невесте. Жених в новом костюме был любезен и в меру взволнован – кто там знает, отчего, – и не портил общего впечатления. Вот традиционного шута с пожеланиями, как говорили, на этой свадьбе не будет – он уехал сразу после венчания Умины. Да и зачем он нужен, брак из-за его отсутствия менее законным не станет.

Садясь в свадебную повозку, Мариса не удержалась и бросила вокруг жадный взгляд – нет ли на этот раз рыжего лорда? Лорда не было. Это хорошо. Мариса о нём только

вспоминала – и сердце начинало биться быстрее, а это ведь неправильно?

Ивин Монтери, вот так его зовут. Имя она запомнила, конечно.

Пока ехали до Храма, Мариса и не глянула на жениха, хотя чувствовала, что он смотрит. И сел Реддит с левой стороны, чтобы видеть её слева, где шрамов нет, а руку её, как положено, всю дорогу держал, не выпустил – и когда вышли из повозки и проделали положенный пусть пешком. Он очень старался. Крыльцо, несколько шагов до алтаря...

Пламя на алтаре – небольшой огонь, и горел он ровно, как в печке, пока священник говорил положенную речь. То, что Пламя гаснет, когда оно против брака – больше похоже на сказку, никто не помнит, чтобы такое на самом деле случилось. Да и вряд ли Реддит и Мариса так уж друг другу не подходят, с чего бы?

Сначала священник говорил на древнем языке – непонятно. Мариса внимательно выслушала то, что могла понять, про их взаимные долги и обязательства, и про обещания верности, и что брак навеки и будет нерушим.

Реддит и Мариса, вы пришли сюда, чтобы сочетаться браком и навеки принадлежать друг другу, любить и поддерживать.

Вы согласны? Реддит? Да, согласен. Мариса? Она тоже согласна. Иначе чего идти было?

Она слушала, отвечала, но не верила. Чтобы Реддит свою

единственную разлюбезную оставил ради неё, деревенской уродины? Да ладно. Затем ведь и выбрал её, чтобы та не ревновала. Хотя слова обряда хороши. Счастливицы те, у кого эти слова сбываются. А ей бы прижиться в новом доме да с мужем поладить и с его роднёй – и хватит. Никаких звезд с неба и даром не надо.

Священник закончил обряд и ушёл. На маленьком столике остались лежать их брачные браслеты, серебряные, с одинаковым узором, Реддит взял женский браслет и надел его на руку Марисе. И она взяла мужской, тоже надела ему, защелкнула замочек... и рука отчего-то задрожала.

Вот зачем случилось это всё? Помоги Пламя...

– Я теперь про тебя иначе думаю, – вдруг сказал Реддит. – Раньше казалось, что на тебя и смотреть незачем, в потемках любая сойдёт. Не сердись. Теперь вижу, что ты любую красотку за пояс заткнёшь.

– Отчего же ты изменил мнение, дорогой супруг? – Мариса была слегка озадачена.

– Ну как... Для того, кто понимает, горячие и дерзкие – это самый вкус. Перец заморский знаешь сколько стоит? Начнёшь меня радовать – и точно жемчуг подарю, нитку по грудь! Не сомневайся. Жене ничего не пожалею, и пусть все видят!

– Благодарю, – пробормотала Мариса, и сама потянула Реддита к выходу из Храма.

– Если граф за тебя монеты даст, то шубу из лисицы куп-

лю. С графом будь послушной и нрав не показывай. Поняла?
– Поняла, – она кивнула.

Впереди были поздравления, свадебное застолье, и серая карета, что повезёт её в графский замок. Просто придется всё стерпеть, как учила Лайна. Вроде как помыться в бане, а жизнь будет потом. И хорошо, что Реддит не против, а то не хватало ей ещё его недовольства!

Серая карета приехала несколько раньше, чем ожидалось. Всё обычно, разве что запряжена эта карета была не четверкой, а парой, и по бокам скакали два всадника, а не семь. И одним из всадников был её рыжий лорд. Мариса невольно закусила губу – ну лорд, ну и пусть!

– О, уже? – удивился Реддит, и засуетился, схватил жену за руки и почти силой заставил подняться, – ну теперь смотри, моя хорошая! – он сказал это тихо, – будет граф доволен, тогда мы и заживём! Твоя шуба из лисы, помнишь?

– И жемчуг по грудь, – фыркнула Мариса.

При этом она случайно задержала взгляд на золовке, сидящей рядом с братом – лицо у той стало такое, что хоть прячься. От свекрови, что заняла место напротив, Мариса сразу отвернулась, разумно рассудив, что и матушке Реддита слышать про жемчуга и шубы тоже нерадостно.

Реддит сам привёл Марису к рыжему, легонько подтолкнул и низко поклонился. А она не стала кланяться, оперлась на поданную руку и забралась в карету. Оглядываться на су-

пруга – вот ещё, куда он денется...

Медлить не стали – тут же дверка закрылась, и карета по-неслась, до Марисы доносилось резкое щелканье кнута – кучер сразу принялся подстёгивать лошадей.

Первые мгновения было не до размышлений. Вспомнилось отчего-то лицо Сурита, мужа Умины, когда он пытался закрыть её от людей графа. И понятно ведь, что ничего не вышло бы, но это был порыв, который парень не в силах был сдержать. Он Умину любит, дорожит ею. А Реддит...

Не рассерди графа, жёнушка, шубу за это куплю! И заживём!

Она встряхнулась, как мокрая кошка, словно желая стряхнуть с себя вот это всё! В бане помыться – ну, значит в бане! Хорошо Лайна об этом сказала!

Теперь она осмотрелась по сторонам. И удивилась – а ведь карета была другая, не та, что приезжала за Уминой. Та изнутри была обита ярко-синим – запомнилось, а в этой обивка была светлая, как топлёные сливки. И в той карете сидела леди, а Марису никто не сопровождал, она ехала одна.

Хотя ни о чём это не говорит. Карет у графа может быть много, и всегда ли невесту в замок сопровождает леди, тоже неизвестно. И Мариса отдернула бархатную занавеску, выглянула в окно.

До мелочей знакомая дорога нырнула в лес, и скоро карета остановилась. Девушка не успела удивиться, как дверка распахнулась и откинулась подножка.

– Выходи, – рыжий протягивал к ней руки.

– Милорд?! – она медлила.

Теперь происходящее окончательно показалось ей неправильным.

– Выходи, ну, – лорд ступил на подножку и, вдвинувшись в карету, подхватил Марису под локти и вытащил наружу, и прижал к себе, она только ахнула.

– Тихо, – велел он, – и не вздумай пищать. Дальше повезу тебя верхом. Поезжай! – крикнул он кучеру.

Тот не заставил себя упрашивать – карета сразу тронулась и скоро исчезла из виду.

– Едем! – рыжий одним махом посадил её в седло. – И вести себя тише мыши, поняла? Отвечай!

– Поняла, – отозвалась Мариса. – Что случилось, милорд?

– Я же сказал – тише мыши!

– А я не говорила, что послушаюсь. Но я поняла вас, не сомневайтесь!

Рыжий взглянул сердито, и вдруг засмеялся.

– Помолчи немного, – сказал он, и одним движением запрыгнул в седло позади неё. – Ничего не изменилось. Собиралась отдать невинность по праву первой ночи, вот и отдашь. Вернёшься домой с кошельком. И не вздумай дурить, а то свяжу и рот платком замочу, не дернешься. Поняла? – он ударил лошадь коленями и съехал с дороги.

Там была тропа, которая, вообще говоря, вела к соседней деревне. Они некоторое время ехали по ней, потом опять

свернули. И Мариса уже не сомневалась, что они, конечно, направлялись не в графский замок. А куда?..

Опять дорога через лес, потом тропа по дну овражка, и опять тропа, узкая – приходилось следить, чтобы ветки не хлестали по лицу, а дальше они поехали прямо по какому-то ручью – Мариса перестала понимать, куда ведёт их путь. И вот – неширокая полянка и на ней одинокая башня, подножье башни всё заросло шиповником, но дверь была приветливо приоткрыта.

Мариса здесь не бывала, хотя слышать приходилось. Башня Колдуньи?

Заброшенное, глухое место, куда деревенские забредать избегали. Мариса про эту башню только слышала. Ей предстоит провести эту ночь – здесь?!

Рыжий ссадил её на землю, кивнул на башню.

– Заходи, устраивайся. Я пока расседлаю лошадь.

– А что мы там будем делать? Прибраться надо, пауков разогнать? – не смолчала Мариса.

– Нет там пауков. Заходи, говорю, – буркнул лорд, и отъехал в сторону, за деревья.

Мариса разглядела среди деревьев обложенный камнем колодец с воротом и какие-то постройки. Целая усадьба в лесу – и забора нет. А дикое зверье если?..

Собственно, чему удивляться, если это и впрямь усадьба колдуньи?

Но стоять перед дверью было незачем, так что Мариса во-

шла. Вошла и удивилась. Никакой разлуки, обжитое место. Вдоль стены идёт лестница вверх, невзрачная, узкая, но подняться – там большая комната, убранная почти как в замке. Мариса, правда, в замке была несколько раз и давно, отец Эвол брал её с собой, чтобы помогала...

Теперь она смотрела по сторонам. Комната круглая – ну это потому что башня круглая. Большая кровать придвинута изголовьем в стене, покрыта узорчатым покрывалом, и подушек целая куча. Высокие и узкие окна со стёклами и ставнями, полки и резные сундуки, и ещё одна дверка – куда ведёт? Пол из тяжёлых досок. На скамье тазы и кувшины. На столе посуда. Вещи такие, что и впрямь из замка, не иначе – на тазах выбит узор, и на кувшине с узким горлом тоже – только любуйся.

– Нравится? – в двери стоял рыжий лорд.

– Что мне тут должно понравиться? – выгнула бровь Мариса.

– Ну как же. Я хотел, чтобы тебе было удобно. И красиво чтобы. Постель только сама постели, тут в корзине чистое белье, – он показал на корзину за кроватью. – А вон там вино и разная снедь. Чтобы нам с голоду не умереть до утра, – оказывается, чуть в стороне нашлась и вторая корзина.

– Постель застелить несложно, – кивнула она. – Только скажите-ка мне, милорд, что происходит? Почему вы меня в замок не отвезли? Почему мы с вами тут?

– Что же тебе непонятно? – рыжий пожал плечами. – Граф

уступил мне право на ночь с тобой. Ты моя до утра, – он вдруг взглянул на неё очень внимательно, как будто его волновало, что она ответит, рада такому повороту или не очень.

Мариса была удивлена. Очень удивлена, и где-то в груди стало горячо. И, если уж совсем не врать – она не огорчилась вовсе. Зачем ей граф, если рыжий уже почти знакомец и как будто даже не совсем чужой?..

И это его так сладко было вспоминать, только и думала бы о нём...

Но она постаралась остаться невозмутимой.

– Не рада, – он усмехнулся. – Досадно, что ж...

– Шутите? – она посмотрела ему в глаза. – Вам есть дело до того, рада ли я?..

– Любому мужчине есть дело до этого. Радует ли ему его женщина.

– Точно шутите. Какая же я ваша женщина? И кто, по-вашему, радуется тому, чтобы идти на свадебную ночь в чужую постель?

– Ох, Мариса, – и неясно, почему он рассмеялся. – Ты странная, вот что. Ещё немного поговорим, и мне всё перехочется. Лучше молчи. Застели постель и разбери провизию. – Тут есть вода, тазы и мыло. И сними эту белую тряпку. Это тебе, чтобы переодеться, – он бросил на кровать мешок с чем-то мягким, и повернулся, чтобы уйти.

– Постойте, милорд, – окликнула она. – Объясните всё же, что происходит?

– Я не всё сказал?

– Мы с вами в лесу, в безлюдном месте, а не в замке. Либо вы недоброе задумали, либо против воли графа. По его согласию вы меня в замок и отвезли бы. И то, и другое, получается, мне плохо.

Он подошёл, взял её за подбородок и заглянул в глаза.

– Верь мне. Всё будет хорошо. Ты вернёшься к мужу, и наказывать тебя будет не за что, если этого боишься. Я позаботился. Поняла?

Он ушёл.

Мариса перестелила постель – мягких льняных простыней нашлось даже больше, чем нужно. Все бельё было с графской монограммой. Набитые шерстью тюфяки на кровати оказались новыми и хорошо пахли – уже роскошь. Корзину с провизией она тоже разобрала и выставила на стол холодное мясо, овощи и вино в глиняной бутылки, и всё это – на скатерть тоже с графской монограммой. Приборы, завернутые в салфетку – красивые, тяжёленькие, все с одинаковым узором.

Теперь – мыться, тем более что очень хотелось. Она не без удовольствия избавилась от венчального платья и сорочки, распустила причёску и вымылась в прохладной воде. Пенистое мыло, которое нашлось в фарфоровом флаконе – это не мыльный корень и не щёлок, которыми ей до сих пор приходилось пользоваться, оно пахло травой и розами. И рыжий позаботился об этом? Для неё? Да нет же, вряд ли это он

сам. А на костяном гребне, которым Мариса долго расчёсывала волосы, тоже была монограмма, но другая: две буквы К, оплетенные веткой.

В мешке, полученном от рыжего, нашлось, что надеть: халат из рыхлого бархата и несколько сорочек из тончайшего полотна, такое даже не согреет ничуть. И там же лежали новенькие мягкие бархатные туфли. Красивые.

Она надела сорочку и халат, а туфли – свои, новые было жаль трепать по голой земле, – и вышла наружу. Рыжего нашла недалеко от входа – присев на кусок полена, тот жёг костерок в ямке между камнями. Поднял голову:

– Ты? Готова?

Он, похоже, тоже где-то искупался – его волосы были мокрыми.

– Если вы прячетесь, милорд, то не стоило разжигать огонь, – сказала Мариса. – Вдруг ветер далеко отнесёт дым?

– Ты, осторожная моя, – он заулыбался. – Молодец, правильно. Но это особое место. Никто не найдёт нас по дыму.

– Значит, я здесь без разрешения графа, – она кивнула. – И вообще, вы колдун, милорд?

Он вздохнул, отряхнул руки и поднялся. Сообщил:

– Ты дерзкая и не в меру любопытная. Это даже странно.

– Благодарю за ответ, милорд, – она улыбнулась. – А граф Финерваут? Он колдун? Мне давно хотелось спросить у того, кто точно знает.

Ивин улыбнулся тоже. Как ни крути, а ведь забавно. Ко-

гда-то граф служил при Тайном Совете, при каждом удобном случае подчёркивая свой высокий колдовской уровень. При этом он не учился в Цитадели и не проходил полное посвящение. С некоторых недавних времен одарённые могли не отказываться от родовых титулов, но обязательное обучение и система ограничений были серьезными. И множество обязательных и странных на первый взгляд правил имели свой смысл, непонятный посторонним.

Ивин сказал девушке правду:

– Когда-то граф был сильным колдуном, но без полного посвящения. Он служил королю. Но серьезно пострадал на службе, и за это, собственно, был награждён наследованием графского титула. То есть стал графом в обход первого наследника. Поняла?

– Поняла. Награждён, говорите? Значит, тот, кто был первым в очереди, оказался наказанным? – уточнила Мариса. – И значит ли это, что наш граф больше не сильный колдун?

– Выходит, так. Это решение короля, предыдущий граф подвёл своих близких.

– А предыдущий граф тоже был колдуном? – тут же задала она следующий вопрос.

– Был, – признал Ивин. – Раузаги – колдовской род. У тебя всё?

– Вы про вопросы, милорд? Я только начала, с вашего разрешения, – её губы лукаво дрогнули.

Мариса, возможно, по неосознанной привычке старалась

повернуться к Ивину неповреждённой левой стороной, и он в очередной раз отметил, какой же хорошенькой она могла бы быть. Сколько стоило бы её лечение, сто золотых, или все двести-триста? Всё равно эти деньги она никогда не соберёт здесь, живя в деревне со своим лавочником. А и случись вдруг такое – на неё эти деньги не потратят...

– Достаточно вопросов, – решил он. – Теперь я буду спрашивать. Только потом. И послушай меня. Просто поверь. Тебя не накажут, и твоего отца... опекуна то есть – тоже. За то, что случилось и случится сегодня – не накажут.

– Хорошо, – согласилась она. – Пойдёмте ужинать, милорд? Всё готово.

Ивин только что собирался предложить это сам, но предложила она – и он на какие-то мгновения, но растерялся, причём в очередной раз. Как будто не он притащил деревенскую девчонку в своё тайное убежище, а она пригласила его, чтобы накормить и разговорить!

Башня Колдуньи не подпускала к себе графа и его людей, и надёжно прятала всё, что имелось рядом и внутри. Заклятья, наложенные когда-то давно умершей хозяйкой, или кто бы это ни был – не потеряли силы. Так что Ивин был удивлён, обнаружив, что один, без кого-либо из людей графа, он легко минует колдовские заслоны. Ну а дальше уже было несложно обследовать новое владение с помощью своих скромных возможностей и пары амулетов. В башне имелась необходимая утварь, и за многие годы не скопилось пыли и грязи – а

для этого требуются чрезвычайно дорогие заклятья. Он навещал лесную усадьбу редко, но всякий раз, когда имел возможность на достаточный срок покинуть замок...

Ну и кто бы удержался, чтобы хоть раз не воспользоваться как следует этим роскошным приобретением? И ему уже пора покинуть Финерваут. Для свидания с Марисой он всего лишь привёз в башню бельё и провизию – лично привёз, конечно.

Он пропустил её вперед и пошёл следом. Она не унималась:

– Так вы меня купили, милорд, или получили в подарок? Скажите, это ведь важно.

– В чем важность? – он чуть не споткнулся.

– Если вы заплатили, то сделку просто не расторгнуть. Если бы ещё сделку другой колдун подтвердил!

– Сделку между двумя одарёнными можно не подтверждать, – пояснил он, – к тому же я расплатился колдовским артефактом.

Судя по тому, что изрекала эта работница... то есть воспитанница мельника, ей кто-то рассказал про колдовской кодекс – тот самый свод непонятных людям правил. И зачем бы?..

– Ну да. Вы тоже колдун, – то ли вспомнила, то ли ему напомнила она.

– Откуда ты знаешь про колдовской кодекс? Про силу сделки – это оттуда.

– Я не знала, что это какой-то кодекс. Меня учил священник, отец Эвол. Он рассказывал разные вещи.

– И зачем он рассказывал тебе это?! – нет, Ивин не понимал.

Священник мог научить девушку читать и писать, кто бы ждал он него большего?

– Хотел и рассказывал, – пожала плечами Мариса. – Моя приёмная мать оставила ему денег, чтобы он меня учил. А чему учить, он решал сам. Или я его просила. Он любил разговаривать.

– Понятно...

Понятно, что старый священник, лишившись службы, подвинулся умом и стал рассказывать про правила из колдовского кодекса кому ни попадя.

– Отложим ужин. Иди сюда, – он притянул её к себе и поцеловал в губы.

Она не пугалась, не отворачивалась, но и не отвечала, просто позволила себя целовать.

– Хочешь, я тебя не трону? – спросил он вдруг. – Поболтаем ещё, раз тебе это нравится. Ты мне про себя расскажешь...

Предложение не было совсем честным. «Не трону» означало «потом». Его желания и планы насчёт Марисы не менялись. Но расхотелось спешить. У них ведь полно времени, так? А поболтать – ладно, ещё немного можно.

Он щелкнул пальцами, и на узкие окна опустились пор-

тьеры – этот фокус он проделывать умел. Комната погрузилась в приятный сумрак.

– И что же про меня рассказывать? – её полным губам так шла улыбка, пусть только с левой стороны, – хотя, если я вам не нужна совсем... кстати, а зачем я вам? А графу зачем? У него, говорят, конкубина в замке живёт, дивно хороша.

– Хочешь знать, чего не надо. За что кошке прищемили нос? – хмыкнул он, и поцеловал опять, дав себе вволю почувствовать её губы, сладкие и неожиданно податливые, и он сразу же забыл, где там у неё правая сторона, а где левая.

Оторвался, и опять спросил:

– Так чего ты хочешь? Правда, не трону! – на этот раз он почти верил в своё обещание.

Хотя в обещания пополам с поцелуями верить глупо, конечно.

– Хочу вас, милорд, – сказала Мариса. – Среди графа и мужа я выбираю вас. Да, лучше вы, чем любой из них. И ничего я не боюсь, не думайте.

Наверное, он охотнее услышал бы какие-то другие слова. Но и этих хватило...

Глава 8. Первая ночь

Они целовались неожиданно долго – ей явно это нравилось, и с каждым мгновением все больше, а ему захотелось доставить ей удовольствие. Стать лучшим без условий. Может быть, задело бесхитростное признание – лучше уж вы, чем граф или лавочник! Он лишь менее неприятен – вот что это значило. Конечно, графа она скорее всего боится, а за лавочника выйти пришлось, а он...

Он развязал завязки её халата, и его ладони легко скользнули под него, погладили тёплые плечи и спину, прикрытые невесомой тканью сорочки. Она не отстранялась, напротив, прикрыла глаза и отдалась его ласкам, слегка выгнулась – как кошка под рукой хозяина. Он накрыл ладонями её грудь, полную и упругую – каждое полушарие целиком и правильно легло в ладонь. И какой-то ключик на цепочке у неё на шее – что это ещё?..

Он не стал отвлекаться на ключик. Погладил пальцами темнеющие под сорочкой горошины твердых сосков – она вздрогнула и прикусила губу.

– Нравится? – шепнул он.

– Да-а, – ответ был тихим, как выдох.

Она не боялась, не убегала, не смущалась. Это могло означать её порочность, но... на такие мысли даже не хотелось отвлекаться.

Да ни на что не хотелось отвлекаться!

Мариса сама потянулась к завязкам на его рубашке – он помог, содрал рубашку и бросил прочь, а потом подхватил девушку на руки и отнёс на кровать. Спыхватился, что штаны на нём как-то некстати – и они вместе с подштанниками полетели куда-то к рубашке. Он провёл ладонью по гладкому девичьему бедру, совсем шалея от желания и понимая, что – всё, дальше тянуть он не способен.

Толчок между её бёдер, и ещё... ощущение преграды, которая сдалась и пропустила, судорожный вздох Марисы, который он постарался поймать губами...

Потом они какое-то время просто лежали под простынёй и молчали. Мариса закрыла глаза и отвернулась, не пытаясь отодвинуться. А он понял, что ему просто хорошо. Он устроил нечто, что не сойдёт ему с рук просто так, и не жалел об этом! Он был рад, что самая уродливая в округе деревенская девчонка лежала с ним рядом в постели и не отодвигалась, и даже расслабилась, как будто ей тоже всё нравилось. Ну как так?..

– Я всё понял. Ты колдунья, Мариса, – он погладил её и притянул к себе, обнимая. – Ты меня заколдовала, вот в чём дело.

– Что, милорд? – она испуганно вскинулась. – Что вы такое говорите?!

– Тихо, тихо, – он засмеялся и крепче прижал её, успокаивая. – Я пошутил, разве неясно?

– Неясно! – она сверкнула глазами. – Кто же этим шутит!

– А я пошутил. Успокойся. И прекрати от меня отворачиваться. Я тебя уже всю рассмотрел. Ну?.. Повернись, – и сам развернул её к себе, хотя она на этот раз попыталась сопротивляться. – Всё в порядке, Мариса.

– В порядке, да, – она еле заметно усмехнулась. – Вы это точно знаете?

Теперь, растрёпанная, с блестящими глазами и припухшими от его поцелуев губами, она и вовсе показалась ему красивой, чего там – самой красивой, и даже думать не хотелось о том, насколько это странно.

– Ты странная, Мариса. Удивительная. Не такая, как все. Тебе это говорили?

– Вы смеетесь, милорд? Ну что во мне может быть не такого, кроме... – она мазнула пальцами по шрамам на лице, которые он словно видеть перестал.

– Странная, – повторил он. – Я думал, девственницы боятся. И что они все скромные и нерешительные, а смелыми становятся после, когда научатся такой любви. А ты, вижу, не боялась.

– Я смелая, милорд, – снова она слабо усмехнулась и посмотрела прямо ему в лицо. – Я и крыс не боюсь, и тараканов тоже.

– Хорошее сравнение, – похвалил он, поняв, что вот-вот расхохочется.

Представил, как Клер Фалети, юная фрейлина короле-

вы, благосклонности которой он когда-то пытался добиться, сравнивает его поцелуй с крысами. Это было бы так смешно, что хоть плачь.

Он, кстати, добился и благосклонности, и поцелуев, но родной дядя юной леди весьма строго велел ему забыть о видах на его племянницу. Младший сын графа Корбута потерял в глазах знати всякую жениховскую ценность. И даже не тогда, когда остался без наследства, а когда заплатил «ненужные» долги отца.

– А если без шуток, милорд, то чего же бояться того, чего все равно не избежать? И это не пожар, и не волки в лесу, и не в прорубь зимой, – добавила Мариса. – Если уж обвенчаться у алтаря, то надо... сделать то, что мы сделали. Или я чего-то не поняла?

Что тут было возразить...

– Нет, всё так. И ты снова права, это точно лучше, чем волки, – на этот раз ему смеяться не захотелось. – Ты только говорила, что тебе противно идти в чужую постель.

– Нет, – она словно в раздумье покачала головой. – Это не обязательно противно, это неправильно. Мне говорили, что это как в баню сходить перед жизнью с мужем, но я всё же не могу так относиться. Не получается.

– Про баню... ты серьезно? – он опять на мгновение потерял дар речи.

И да, это тоже было смешно. Услышал бы граф...

Графу всё равно, впрочем.

— Что такого, милорд? Как ещё велите девушкам к этому относиться? — Мариса пожала плечами. — И я за всех не говорю.

— Хорошо, я понял. Наверное, нам пора поужинать, — решил Ивин. — Так что вставай.

Он поднялся с кровати и быстро оделся. Сказал:

— Я опять выйду, не буду мешать. погоди, воду тебе подогрею, — подошел к скамье, где стояли умывальные принадлежности, и несколькими пассами руки сделал воду в кувшине тёплой. — Тут всё для тебя, не стесняйся.

— Спасибо, милорд, — кротко ответила Мариса, и посмотрела ему вслед.

Эта простая забота — то, что для неё мимоходом подогрели воду и не придётся мыться холодной, — изумила её едва ли не больше, чем способ, которым это было сделано.

И на сорочке, и на простыне остались яркие красные пятна, Мариса поспешно сложила всё испачканное в сторону, и сама смущалась, отводила взгляд от кровавых меток, как будто только сейчас осознав — вот, это случилось с ней! И ведь не так случилось, как с другими, и что будет?..

Сама виновата. Мало что против не была, а попросила, можно сказать. Кто угодно скажет — бессовестная.

Вот и ладно. Не жаль ведь? А всё прочее будет не сегодня.

Она вымылась теплой водой, поливая себя из кувшина,

вытерлась простыней и надела свежую сорочку. Волосы так запутались, что местами пришлось раздирать гребнем, теперь она заплела косу и перетянула кончик оторванной от белоснежной салфетки лентой. Недавно не решилась бы порвать хорошую салфетку, но сказал ведь лорд – тут все для тебя. Значит можно. И хорошо, что простыней много и сорочка не одна.

Лорда звать не пришлось – как почувствовал, что она готова. Зашёл, слегка поклонился:

– Позволишь? – улыбнулся.

Решил поиграть, понятно. Она проглотила смешок:

– Прошу вас, пожалуйста, милорд.

– Садись, – он подвинул ей стул.

– Благодарю, милорд, я не голодна, я лучше потом, после вас...

– Садись! – повторил он. – Чувствуй себя как дома.

Как дома? В доме дядюшки Фуртафа все домашние столовались вместе и одновременно, и семья, и работники, ну а когда что-то принести и подать – для этого, конечно, Мариса. Но за столом она спокойно сидела и ела со всеми, и кусок в горле не застревал. А вот сесть за стол вместе с рыжим было поначалу странно, даже еда не в радость, хотя проголодаться за день Мариса успела.

– Ешь, – рыжий сам нарезал ей мясо и положил на тарелку, подвинул овощи. – Тут всё вкусно. Сначала выпей вина, – он налил ей красно-рубинового вина в высокий стакан.

Запоздало вспомнил, что с вина собирался начать – чтобы девушка расслабилась и не боялась. И так обошлось. Но пусть выпьет теперь – это поможет им продолжить.

Граф, как говорили, всегда потчевал невест чашей разбавленного вина, и, кажется, чего-то в неё добавлял, но тут Ивин утверждать не стал бы – это был секрет дядюшки. Слуги болтали много, но потихоньку.

– Можно спросить, милорд? – Мариса подняла на него взгляд.

Она опять села так, чтобы повернуться к нему неповрежденной стороной лица, и он мог любоваться её нежной кожей и точёным профилем, и как дрожат в улыбке полные губы.

– Спрашивай.

– Что означают буквы на гребне? Там две буквы «К».

Ивин понятия не имел, откуда взялся гребень. Но про буквы догадаться было просто.

– Девичье имя последней графини Финерваут – Камилла Калани. Наверняка в замке осталось много её вещей. Ты нашла гребень под зеркалом?

– Да, милорд. Калани – тоже колдовской род?

Он подлил Марисе ещё вина.

– Что ты, нет. Но это древний и знаменитый род, причём из Кандрии. Леди Камилла приехала в Грет вместе с леди Альденной, когда та стала невестой нашего короля. Леди Камилла рано потеряла родителей, вот её и отправили сюда в

качестве подружки будущей королевы.

Мариса послушала и, хмурясь, кивнула.

– А потом она стала женой графа Финерваута?

– Ну да. Такой был уговор, что подругам королевы организуют браки со знатными особами. Моя мать вот... – он осёкся и замолчал. – Ладно, ничего.

О матери не хотелось говорить с Марисой. Та тоже была подругой королевы и, как и леди Камилла, вышла замуж за графа.

– Ты разговариваешь, а не ешь, – заметил он и отрезал ей ещё мяса. – Вкусно ведь?

Отчего-то возиться с девчонкой и даже болтать с ней было забавно и нравилось.

– А что такое колдовской род? В нем все колдуны?

– Нет же. Просто в таких семьях периодически рождаются люди с колдовским даром. Людей без дара даже в колдовских родах всегда больше.

– Отец Эвол объяснял. Время, когда колдунов много, сменяется таким, когда их совсем мало. Сейчас такое, когда мало, да?

– Именно так.

Ивин уже не удивлялся, что тот священник болтал без умолку с деревенской девчонкой о лишних для неё вещах.

– Говоришь, приёмная мать заплатила священнику, чтобы он тебя учил? Это она привезла тебя сюда?

– Я приехала сюда со своей мамой. И ничего про себя не

помню, – погрустнела Мариса. – Не помню, как я была маленькой. Не помню того, что было до пожара у лесника. Да и пожара толком не помню. Но мне говорили, что здесь, в Финервауте, моя мама умерла. Мы ехали с ней в обозе, она заболела и её высадили в деревне. Говорили, что только колдун мог бы помочь.

– Понятно, – Ивин погладил её по руке.

Рассказ Марисы совпадал с тем, что поведала Ивину кухарка.

– А приёмная... Матушка Сола. Она служила в замке, – продолжала девушка. – Пожалела меня. Она считала, что мне полезно будет знать грамоту, – она грустно усмехнулась. – Вот и Реддит рад, что я училась и знаю грамоту, смогу в лавке работать.

Ивин подумал, что это немного странно: здравомыслящая женщина, которая служила в замке, решила потратить деньги на учёбу для приемной дочери, а не на что-то практичное.

– Для чего этот ключ? – Ивин тронул пальцем цепочку на шее Марисы, на которой висел ключик.

– Вроде бы он от сундучка с моим приданым, – Мариса еле заметно улыбнулась. – Но нет никакого сундучка. Может, он сгорел вместе с домом лесника? Я ношу ключик просто на память, милорд.

Ивин уже корил себя, что заговорил с девушкой о таких невесёлых вещах – она теперь сидела грустная, нахохлившаяся. И вдруг спросила:

– Я так понимаю, что всё сделано, милорд?

– Что сделано?.. – он не сразу понял.

– Вот это. Ваше право, мой долг... Вы можете отвезти меня домой хоть сегодня, да?

– А зачем? – он невольно напрягся, – ты скучаешь по мужу? Хочешь уехать?

– Не скучаю, – она вздохнула и улыбнулась. – Я бы лучше пожила тут с вами подольше. Но ведь невозможно?..

– У нас есть время до утра, – сказал Ивин. – И не волнуйся о подарке. Вот он, возьми прямо сейчас, – и положил перед Марисой кошелёк. – Твои родные будут довольны.

Она молча взяла, развязала, и её глаза округлились от удивления – даже без пересчёта было понятно, что монет много.

– Милорд?! Зачем же...

– Мне приятно подарить тебе это.

Ему хотелось опять расшевелить её, чтобы не огорчалась, а радовалась, и опять отозвалась на его поцелуи и ласку.

– Я слышала, что вы небогаты, и Реддит переживёт, – проворкотала Мариса.

Вот теперь Ивин был задет её словами. Надо же, она слышала! Все всё знают!

Кажется, любовная магия, как и та теплота, которой они так легко поддались недавно, ушла. И толку, что до утра ещё так много времени?

– Благодарю за ужин, милорд. Я сейчас всё приберу, – Ма-

риса вскочила, чувствуя возникший разлад.

– Да, приberi, – согласился Ивин. – Я пока уйду. Не бойся, скоро вернусь. Ты чего-нибудь хочешь?

– Да, милорд, – она сразу показала на полку напротив кровати, уже приметив заманчивые тиснёные переплеты, – можно мне взглянуть вон на те книги?

Эти девица каждую минуту удивляла Ивина, куда там фрейлине Клер! Воспитанница мельника! Казалось бы, столько всего сегодня с ней приключилось, а она желает познакомиться со сборниками старинных баллад! Он не против ещё разок уложить её в постель, а ей охота читать! Сам Ивин когда-то в эти книги бегло заглянул, и впредь относился как к остальной мебели, а тут гляди ж ты...

– Возьми, конечно, – он снял книги с полки и вручил Марисе, и тут же ушёл.

Он поддался настроению и шёл по лесу вдоль ручья довольно долго, потом свернул на знакомую тропинку, уходящую вверх, и поднялся по ней почти на вершину холма, так, что стал хорошо виден графский замок, который тоже венчал вершину одного из ближних холмов. Различить мелочи издали было нельзя, все казалось обыденным и спокойным. И Ивин отправился обратно.

Когда добрался до башни, уже стемнело. Неподалёку ухала сова, светила луна. Рядом с колодцем паслась, похрапывая, его лошадь. Башня молчаливо темнела провалами окон и не казалась жилой. И от этого в душе кольнуло – не могла

же Мариса уйти сама? И тут же он понял, что оставил ей целую связку свечей, не считая полный канделябр на столе, но ничего, чтобы свечи зажечь! Огнива в башне не было, сам он обходился амулетом или щелчком пальцев – его полезное умение, которое, впрочем, отказывало в половине случаев. Мариса вынуждена была сидеть в темноте!

Он поспешно взбежал по лестнице наверх. В крошечной-темной комнате зажёл сначала одну свечу – пальцами, получилось сразу. Сила пока растёт – хорошо. Она у него слишком непостоянна – это плохо.

Девушка спала, свернувшись калачиком на краю кровати. Книги она сложила на столе, в одной белела полотняная закладка.

Ну конечно, ночь. Спать...

Сначала он потянулся налить себе вина, но передумал и утолил жажду простой водой. А потом разделся до подштанников и лег рядом с Марисой. Идея благородно устроиться где-нибудь в другом месте его даже не посетила – в башне была одна кровать, а спать на жестком полу на одеяле – это ещё зачем?..

Собственно, одеяло тоже было одно. Ивин забрался под него и прикрыл девушку, подоткнул, чтобы не сбивалось. От неосторожного прикосновения она проснулась, подскочила.

– Милорд?! Вы...

– Спи, – он её обнял, прижал спиной к себе. – Ты дрожишь, замерзла? Тихо. Спи...

Она послушно затаилась, отодвинуться даже не попыталась.

И такое плотное прикосновение узкой девичьей спины... ладно, не только спины, все остальное тоже прикасалось плотно, это было приятно, даже подарило некое душевное равновесие, но – и только. И сон не прогнало – наоборот...

Глава 9. Леди Льен

Его разбудило... что-то. Что-то легкое и непонятное касалось лица, как будто какое-то насекомое.

Бабочка, например. Ночной мотылёк? Их тут много над лужайкой.

Ивин сонно подумал об этом, и собрался было заснуть снова, но сообразил, что это может быть, и как будто на спину плеснули водой из колодца. Ночной мотылёк!

Мариса спала, легко и мерно дышала. Ивин выскользнул из-под одеяла и зажег свечу.

Да, ночной мотылёк, замер на его груди среди курчавых волос. Ивин подставил палец, и мотылёк послушно переполз на него, теперь можно было рассмотреть. Тот самый знакомый рисунок на крыльях...

Приглашение от Льен. А за окном уже рассвело, хотя до восхода солнца ещё оставалось время.

Этих мотыльков искусный артефактор сделал когда-то для отца, графа Корбута – несколько тонких колечек-амулетов, хранящих в себе по несколько сотен таких бабочек. Толку от них особого не было, разве что вот так, тихонько позвать кого требуется, или что-то передать. И та, которая позвала, не предаст, если Ивин хоть что-то в этом понимал.

Да, недолго, но он сомневался. Потом бросил мотылька с пальца – никуда не денется, – и быстро оделся, и так же быст-

ро оседлал лошадь. Мотылек, мельтеша, полетел вперед.

Она ждала Ивина посреди полянки, заросшей дикой малиной – дама в изумрудно-зелёном костюме и шляпе с пером, её высокая чалая кобыла нетерпеливо пряла ушами. Ну конечно. Красотка слишком часто уезжала из замка на расвете, чтобы кто-то стал этому удивляться.

Увидев Ивина, дама встрепелась:

– Ну наконец-то!

Он подъехал.

– Здравствуй, Льен.

– Здравствуйте, лорд Монтери, – она смирла его насмешливым взглядом ярко-серых глаз. – Мне так приятно, что вы решили довериться мне. Думала, побоитесь.

– Перестань, Льен. Я не жду, что ты на моей стороне. Но ведь и не обманешь. Ты здесь зачем?

– Я ни на чьей стороне, лорд Ивин. Но я слишком хорошо к тебе отношусь, по старой памяти, знаешь ли. Конечно, знаешь. Своего покровителя я ценю чрезвычайно, так что не злоупотребляй.

– Хорошо, – он кивнул. – Но это ты позвала. Что случилось?

– Что случилось, тебе известно. Племянник графа Финерваута сумел наконец привести его светлость в совершенное бешенство. Ты понимаешь, о ком я говорю?..

– Ты хотела меня удивить? – хмыкнул Ивин.

– Предостеречь. А вообще, мне любопытно, ты головой

ударился, что ли? И как сильно? – её взгляд выражал искреннее недоумение. – Чтобы так играть благосклонностью своего единственного на сегодня защитника и покровителя? Фино это тебе не спустит, будь уверен.

Называть графа этак по-семейному – это Льен ненавязчиво подчеркнула свое положение.

– Я так и понял, – кивнул он.

– Обычно он угрюмо молчит, но на этот раз ревел как раненый вепрь. Все попрятались по углам, а твоя сестра в истерике. Она полезла к нему с уверениями, что огорчена и осуждает твой ужасный поступок, Фино рассердился ещё больше. Прогнал её и накричал так, что чуть люстра не осыпалась.

– Не преувеличивай. Но я тебя понял. Льен, я этого и добиваюсь – пусть граф отправит мою сестру с компаньонкой в Гарратен хоть в наёмной карете. Я не мог уговорить её и матушку не принимать милостей графа. Валина отчего-то и теперь не желает уезжать из Финерваута. А мы с графом... договоримся, ничего.

– Вон оно что, – она удивлённо вздёрнула тонкую бровь. – И ты только за этим решил дернуть льва за усы? Лучше бы меня попросил, я бы придумала, как отправить твою сестру в Гарратен. Нет, дело не в этом.

– Ценю твою поддержку, Льен, – мягко сказал Ивин. – Она всегда будет взаимной, поверь мне.

– Не обольщайся, – она усмехнулась. – Я ведь главное не сказала. Надеешься договориться с его светлостью в рамках

колдовского кодекса? Не получится. Граф уже объявил, что не желает тебя видеть и слышать. Тебя ждут и в замке, и в деревне, и в трактирах на дороге. И ты сразу отправишься в тюремный подвал, в самый дальний его угол, может быть до весны. Когда оттуда выползешь, будешь рад просто взглянуть на солнышко. Хочешь?

Ивин выслушал, хмурясь. Уточнил:

– А девушку?..

– Девушку? Жену лавочника, что ли? – не сразу поняла Льен. – Отдадут мужу, конечно. Кому она нужна? Ты ведь у неё ничего не взял?..

– Не приписывай мне лишнее. Я не способен, и не стал бы.

– А, ну ещё бы. Но хотя бы распробовал, что-то было?.. – Льен смотрела с живейшим интересом. – Какая-то сила?..

– Я не разбираюсь, Льен, – раздраженно тряхнул головой Ивин. – И мне это не нужно.

– Как знать, может быть, ты отобрал у графа лакомый кусочек. Теперь она ему не нужна, конечно. Хотя всё равно есть способы от неё отхлебнуть.

Он сблизились и теперь стояли рядом, почти бедро к бедру. Он крепко взял женщину за локоть, но её это не беспокоило.

– Что ты хочешь сказать, Льен? Что-то знаешь о Марисе? – скользкие намёки его сердили.

– Я просто размышляю. Ну подумай сам, Ивин Мантери, – она сменила тон на самый кроткий. – Я разузнала про эту

Марису-Половинку, после того как ты вздумал купить её у графа. Она чужеземка, о ней ничего не известно. Но похоже, что девочка необычная. Довольно дерзкая, хотя другая в её положении глаз поднять не смела бы. И ты вот, разок увидел – и готов. Потому что ей понравился, видимо. И считаешь, до тебя никто на неё не смотрел? Её и сватали, только опекуны не выдавали. На этот раз выдали, потому что Фино пригрозил, ему лавочник пожаловался.

– И что это значит, по-твоему? Ты намекаешь, что она?..

Точно, с этой стороны Ивин на это дело не смотрел.

– Одарённая, да, – подтвердила Льен. – Одарённые тихонями не бывают, если не притворяются. Её бы проверить. И на ней какая-то защита. То ли поставленная, то ли её собственная, то есть сила защищает. Деревенские об этом говорить не хотят, что тоже что-то значит.

Тут же память услужливо подкинула Ивину воспоминание о том, как лавочник свалился с лестницы, и ему на голову что-то упало с крыши – после того, как обидел Марису.

– Так что она отправится к мужу и будет жить как жила, – бодро заключила Льен. – О подарке для неё позаботился? Приучил Фино на свою голову людей к золотишку. Зато хоть не возмущаются, а то уже взбунтовались бы. А ты... Сам реши, ты меня услышал.

– Да. Спасибо, Льен, – кивнул Ивин, досадуя, что такие очевидные вещи не пришли в голову ему самому.

И про графа, и про Марису – про всё. Хотя, что это ме-

няет?..

– Будет плохо – зови, постараюсь помочь, – великодушно предложила Лъен на прощание.

– И тебе удачи, – пожелал он.

Они разъехались. Он со стороны проследил, как красавица умчалась по дороге. Ему предстоял более замысловатый обратный путь.

Глава 10. Что принесло утро

Мариса проснулась одна и в хорошем настроении – снилось что-то приятное, по ощущениям пушистое и яркое, и так хотелось опять закутаться в одеяло и продолжать наслаждаться. Но вместе с ней проснулось и понимание, где она и что случилось, а это уже заставило отряхнуть остатки сна и сесть на постели.

И куда подевался рыжий?

Она надела халат и осмотрела всё помещения башни, потом вышла наружу. Убедилась, что лошади тоже нет. Мысль, что лорд совсем ушёл и оставил её одну, была неприятной, но не ужасной. Ей ничего не грозило, кроме возвращения домой в одиночку. Слава Пламени, волки в их лесах не нападают на людей посреди лета, так что она поднимется на ближний холм, осмотрится и поймёт, в какую сторону идти. Правда, якобы однажды было так, что волки чересчур расплодились и летом разорвали несколько человек, и среди них дочь покойного графа, но это потому, что сила в тот год разгулялась – это Мариса подслушала разговор мельничихи со знахаркой, что приходила лечить дядюшку Фуртафа. И знахарка считала, что виновен в том разгуле силы покойный граф. Но с тех пор волки вели себя прилично.

Итак, она без сомнения доберётся до деревни. Но вернуться одной и пешком – это уже плохо, конечно, ведь невест

возвращают в такой же карете, в какой и забирают. Пешком – неловко, будут лишние пересуды. И у дома мельника ждут гости и соседи, многие хотят знать, сколько монет у неё в кошельке.

Она вернулась в комнату и пересчитала деньги, подаренные рыжим. В кошельке нашлось шестнадцать полновесных золотых. Она оторопела, и даже зачем-то пересчитала ещё раз.

Шестнадцать монет. Ни одна счастливица ещё не привозила столько, по крайней мере за последние три года!

Мариса не обрадовалась – наоборот, в душе заныло. Кажется, откуда-то издалека что-то поманило, и надо шагнуть... туда, в неизвестность, и там есть много чего такого, на что хочется хоть краем глаза взглянуть, и хотя бы потрогать...

Нет, теперь не шагнуть – бежать, без документов, без разрешения, которое может дать только муж. Если найдут и донесут – вернут и накажут. А ведь она была почти свободной два дня назад, но тогда не было денег, и неизвестность не манила – так, шептала что-то украдкой, но и только.

Шестнадцать золотых. Вот уж Реддит порадует.

Мариса, как могла, привела в порядок свое венчальное платье – оно было измято и потеряло свежесть, но это нестрашно. В нем только до дома добраться. Сегодня же придется надеть красное платье, и уже в нем идти в дом к мужу, а все будут глазеть на неё и шептать – надо же, шестнадцать

монет!

Или припрятать половину? Мало ли как они потом могут пригодиться лично ей! Да, это нехорошо. Её новая, семейная жизнь начнётся сегодня с Реддитом, и начинать её с обмана? Это против законов Пламени!

Но у них с Реддитом и так всё против. Уважения нет, доверия тоже, помогать друг другу – что-то не верится, а про любовь изначально речи не было.

Она сходила к колодцу за свежей водой. Вскипятить бы, хотелось выпить горячего, но огня добыть нечем! А в паре шагов от башни нашлись пышные кусты лесной мяты, и она разглядела дикую яблоню – яблочки мелкие, с ноготок, но очень душистые, и поблизости есть малина. Есть из чего приготовить вкусный утренний взвар, нет только огня. Лорд разжигал огонь каким-то чудесным образом, без огнива. Зато еды осталось много, они еще три дня тут с голоду не пропали бы – овощи и подкопчённое мясо, сыр, свежий хлеб, пирог с мясом и сладкие булочки...

Она услышала топот лошадиных копыт и поспешила наружу – да, это её рыжий лорд! Уже спешил и привязывал лошадь. Повернул голову и встретился с ней взглядом.

– Уже встала? Ещё слишком рано.

– Доброе утро, милорд, – ответила она. – Сейчас лучшее время, чтобы заняться делами. Вы не могли бы вскипятить воду? И не покажете ли мне, как это делаете?

– Доброе утро, Мариса, – а ведь он теперь смотрел на неё

как-то иначе, не по- вчерашнему, настороженно, что ли. – А ты не умеешь разжигать огонь?

– Пустыми руками, без огнива? Как же, милорд?..

– Тогда бесполезно показывать. Это умение для одарённых.

– Я так и поняла, – она кивнула.

– Испугалась, что меня нет?

– Не испугалась. До деревни я и пешком дойду, – она сказала, что думала. – Но огорчилась, если вам угодно знать, милорд.

– Значит, по мне соскучилась?

– И это тоже, милорд, – согласилась она.

Он разжёл огонь в печке и поставил греться воду. Сам не спускал глаз с Марисы. Она заметила.

– Что-то не так, милорд?

– Всё в порядке, – он пожал плечами. – Давай, действительно, перекусим. До кареты ещё довольно времени.

Достал нож, и сам стал нарезать сыр и пирог.

– А это не опасно для вас, милорд? – вдруг спросила она. – Отвезить меня в деревню. Вы рассердили графа, так ведь?

То есть девочка неплохо оценила происходящее.

– Рассердил, проницательная моя, – согласился он. – Но я не буду отвезить тебя лично. Ты ни о чем не волнуйся, поедешь к мужу в карете. Я это устроил заранее.

– А вы останетесь тут?..

– Любопытную кошку это не касается.

Действительно, надо делать то, что задумано. Какой ему толк размышлять, одаренная она или нет? Одарённой граф порадовался бы. Может, оставил бы в замке. Говорил, что ему не нужна одарённая, от них семикратные беды – или что-то подобное он точно говорил. Но даже у слабенькой одарённой силы можно выпить гораздо больше, а сопротивляться она не сумеет... скорее всего. Граф рискнул бы. А потом её можно обучить и оставить в услужении. На самом деле можно долго гадать, как бы оно получилось. Могло быть по-всякому.

Взвар из яблок и трав поучился вкусный, а пирог, подогретый у огня, казался лучше, чем накануне. Мариса хотела сбежать из-за стола, уверяя, что есть ей не хочется, но Ивин силой усадил её и положил перед ней пирог и мясо.

– Посиди со мной, – попросил он. – Я не люблю есть один.

Его мучило беспокойство. Это было свербящее ощущение, что он поступает неправильно прямо сейчас, сию минуту, но ещё не поздно это исправить, хотя он не станет исправлять! Он ведь решил иначе! Пламя, что за ерунда?

Ему не хотелось, чтобы закончился их завтрак и пришла пора отвозить девушку к карете. И жаль было, что ночь прошла и оказалась такой короткой. Осталось ощущение щемящего удовольствия от теплого тела Марисы, которое он прижимал к себе ночью. Он что-то упускает прямо сейчас. И вот-вот навсегда потеряет.

Однако...

Всё спланировано, и отступление от плана ухудшит положение всех, Марисы в первую очередь. Ей лучше всего вовремя вернуться к мужу...

А Мариса вдруг осознала, что лорд Ивин подает ей еду и ухаживает за ней за столом – разве можно так? Кто она, и кто он? Но тут же подумалось – и пусть! Потом она станет об этом вспоминать.

– Расскажи о себе, – попросил её Ивин. – И ешь, наконец.

– Я уже рассказала. Что обо мне рассказывать? – поспешила она отговориться. – Жить на мельнице – ничего интересного, всё одно и то же.

– Ты не умеешь огонь разжигать без огнива. А что умеешь? – хотел он подловить.

– Ничего, что колдуны умеют, я не умею, – она глянула удивлённо. – Умею всё то, чему могут научиться люди без дара.

– Ваш священник учил тебя только читать и писать?

– Да. И он давал мне книги. Зимой я читала. Зимой больше свободного времени. Он даже дарил мне масло для лампы, чтобы я могла читать по вечерам. Потом отец Эвол умер, и его книги увезли в замок.

– Он учил только тебя?

– Нет, милорд. Нас у него в разное время было то шесть человек, то восемь. Дети из деревни.

– Тебе, вижу, нравится читать? А писать любишь?

– Мне теперь редко приходится это делать...

– А что такое твоя защита? Можешь ею сознательно управлять? – решил он спросить прямо.

– Милорд, я не знаю, о чём вы говорите, – она нахмурилась. – Можно, я уйду и не буду мешать вам завтракать?

Он не поверил. Чтобы она о таком не знала?

– Нет, нельзя, не уходи, – он подлил ей взвара, и себе тоже. – Тебе никогда не хотелось сбежать отсюда и жить в городе?

Почему-то хотелось расспросить её на прощание.

– Милорд, как можно! Это было бы неблагодарно с моей стороны! – заверила она как-то не слишком искренне.

– Правда? – уточнил он.

– Неправда, конечно, – теперь девушка грустно улыбнулась. – Хотела сбежать. Точнее, уехать с торговым обозом. Я так сюда и попала когда-то. Нет, мимо деревни обозы больше не ходят, но мы были в городе с дядюшкой Фуртафом, – она замолчала и отвернулась.

– И что? – поторопил Ивин.

– С обозом ехала леди. Я слышала, что леди ищет служанку, и хотела наняться на работу. Меня взяли, а потом отказали.

– И всё? – зачем-то он настаивал.

– И всё. Ещё поработала в трактире в Финервауте, отпросилась на месяц у дядюшки Фуртафа. Думала, уеду при случае. Несколько монет скопила и припрятала. Не случилось.

– А сватался к тебе кто? Я слышал, были такие.

– Понятия не имею, милорд, – в её голосе теперь скользнули резкие нотки. – Если и был кто, мне он не сказался, – она встала из-за стола, вывернувшись из руки Ивина. – Приятного аппетита вам, милорд.

Не слишком удачно он попытался её разговорить. И что там, скажите на милость, разузнала Льен, хоть добывай её из замка и пытай подробности!

А солнце между тем поднялось, и пора было отправляться к условленному месту. К карете. К заново перекрашенной и отремонтированной карете, со свежей обивкой светлым бархатом, которую перегоняли из городской мастерской в замок. За несколько монеток подмастерья согласились довести куда надо Марису – им всё равно по пути.

Повторилось вчерашнее – опять она, одетая в белое платье, ехала в седле рыжего. Он посадил её впереди себя и опять придерживал, обнимая. Вчера ей от волнения и мыслей лишних в голову не пришло, а теперь казалось – всё нескромно, всё слишком. Слишком горячие у него руки, зато держат крепко, не стесняясь, и слишком тесно они сидят, и он то и дело наклоняется к ней, она чувствует его дыхание на своей щеке, и ей это нравится и совсем не стыдно... вот так, в одиночестве, в лесу – не стыдно. Но показаться так перед Реддитом нельзя. И перед соседями – тоже. И сердце сильнее билось от одной мысли, что это может случиться. А с рыжим – ничего. С ним хорошо!

Ехали долго, в обход, однако скоро Мариса стала узнавать знакомые места – приходилось здесь ходить, осенью за ягодами, например. Теперь не заблудилась бы. И к дороге они выехали там, где она ожидала. Остановились в лесу на возвышенности, был хорошо виден участок дороги и карета, запряжённая парой неказистых лошадей – в графских конюшнях таких не держали. Рядом у колёс расположились двое подмастерий, которым поручили пригнать карету в замок, третий сидел на козлах – парни занимали себя болтовнёй. Ивин их узнал, а значит, всё было в порядке. Осталось спуститься к дороге и посадить девушку в карету. Но он медлил...

Мало того – он, оказывается, сильнее прижал её к себе. Спихватился и отодвинулся.

– Пора прощаться, Мариса.

– Да, милорд, – она развернулась к нему, насколько позволяло седло. – Прощайте. Храни вас Пламя.

– Пусть оно хранит и тебя. И... да, – не стал договаривать, потому что желать Марисе семейных радостей у него язык не повернулся.

Надо было уже направить лошадь вниз, к дороге. Однако он медлил.

– О чем думаешь, Мариса?

Сам терпеть не мог, когда ему задавали этот вопрос...

– Думаю, что в душе я корыстная лгунья, – она еле заметно улыбнувшись. – А вы, как демон-искуситель, дали мне мно-

го денег. Я хотела бы оставить их себе, но это сложно. Как только приедем, у меня заберут кошелёк. Можно, я просто верну вам половину?

Он так удивился, что рассмеялся. Заметил:

– Странная просьба. Ты ведь можешь отлично поладить с мужем, он будет рад деньгам, а тебе признателен. Или... – он огляделся, – тебе нравится вон тот большой пенё? Под ним можно спрятать всё, что хочется. Потом сама решишь, что делать с деньгами. Иди! – он ссадил девушку на землю.

– Милорд?... – она медлила

– Ты сказала разумную вещь, так и сделай! Иди же, прячь! – поторопил Ивин.

Ему хотелось сделать хорошее Марисе, он чувствовал себя в долгу, потому и не пожалел золота. Зато теперь понял, что не желает одаривать ни мельника, ни Марисиного муженька.

И тут до них донёсся множественный стук лошадиных копыт – похоже, кто-то ехал по дороге в сторону замка.

– Подождём, – Ивин, нагнувшись, подхватил дувушку, помог вернуться в седло.

Они молча смотрели, как из-за поворота показалась карета с гербами, запряженная четвёркой, за ней еще одна, и ещё. Поезд остановился – пустая карета мешала проехать. А из-за кустов возле дороги выехали несколько верховых в цветах графской стражи, старший приблизился к передней карете...

– Смотрите, милорд, там стража! – воскликнула Мариса, бессознательно прижимаясь к нему.

Вот как, значит. Ивину повезло...

Собственно, он всё увидел.

– Мы возвращаемся, – сказал он. – Не сердись.

Она и не сердилась. А он, пока ехали обратно к башне, понял, что наконец-то всё стало на свои места: он не хотел отпускать Марису – и не отпустил. Что подумает её обманутый в ожиданиях супруг и гости...

Да какая разница.

Башня Колдуньи их дожидалась – наскоро наведенный Марисой порядок, застеленная постель и уложенные в корзину остатки провизии.

– Я тебя похитил, Мариса, – бросил рыжий. – То есть теперь я точно тебя похитил. Можешь пока забыть про своего благоверного.

Та только дернула плечом.

– Что с вами теперь будет, милорд?

– А за себя не беспокоишься? – он немного удивился.

– Вы людоед и хотите меня съесть? – она лукаво улыбалась, и не боялась ничуть.

Шутница нашлась.

– Что?.. Нет! – он отчего-то развеселился. – Точно не тебя. Подстрелю зайца на худой конец, тут их много. Сваришь суп из зайчатины?

– Сварю, отчего же нет, – она пожала плечами. – Так зачем

мне надо беспокоиться? Все знают, что я тут из-за вас, вы виноватым и останетесь. Оставили бы на дороге, добралась бы, у меня ноги не поломанные.

– Я уже виноватый, невелика разница, – он усмехнулся. – Хочешь, отвезу тебя в Гарратен?

– Милорд?! – она уставилась на него изумлённо. – Это в столицу, что ли? И что я там делать стану?

– Ты ведь хотела уехать. Что делать собиралась?

– Тогда я замужем не была. А теперь в розыск объявят, – ответила она резко. – Пойду воды наберу, чая хочется. Затопите печку, милорд? – подхватила стоявшее у двери ведро и вышла.

До колодца дойти – это близко. Однако недалеко у колодца она увидела в траве кусты ежевики, задержалась...

И зачем рыжий её дразнит? Обидно. В Гарратен отвезёт! Предположим, деньги у неё на первое время есть, но ведь действительно искать станут, ещё и с вознаграждением. Реддит ради такого дела не покупится – нужна ведь ему за чем-то жена, раз женился? И пока она его законная жена, другой не будет. Пусть и есть любовница в соседней деревне...

Пока Мариса собирала ягоды, испачкала платье ягодным соком. Его всё равно надо снять – венчалное платье не носят на второй день. Воду она принесла, а рыжий и не думал растопить печь.

– Дай сюда, – он сам налил воду в чайник и прижал к нему

ладони.

Некоторое время спустя из носика повалил пар.

– Сегодня у меня сила есть, хорошо, – пояснил он. – Так ты не желаешь в Гарратен?

Мариса сначала отправила в чайник горсть ягод и душистых травок, набранных там же перемешала. Не всё рыжему хотелось объяснять, но что делать...

– Расскажу про леди, что чуть не взяла меня на работу. Мне передали её слова, что она не желает постоянно видеть рядом уродину. И что она не против меня взять для чёрной работы за половинную плату, потому что я калека и хорошо работать не смогу. И в трактире мне платили меньше, потому что калека. Хотя работала я не меньше, и многое делаю лучше других, в деревне это знают. Похоже, милорд, мне всюду придётся рассчитывать на худшее и за меньшую плату. Лучше уж здесь. Я могу стать хозяйкой в доме Реддита. Не сразу, но постараюсь. Я не радовалась этой свадьбе, прости меня Пламя! Но если поразмыслить – хорошее и в этом есть.

– Напрасно ты так, – он вздохнул. – Нельзя сдаваться, Мариса. Раз-другой не повезло, а на третий получится.

– Вы правы, милорд, – её глаза заблестели. – Вы знаете это точно, вы ведь уже мыли полы в трактире за половину платы. И горшки выносили, – она отодвинулась.

А ему нестерпимо захотелось обнять девушку, даже пришлось убрать руки за спину. А ведь точно – он заколдован! Льен кругом права. Хотелось бы, однако, в этом убедиться.

Если Мариса одарённая, ей точно нечего делать в доме у Реддита. Забрать, вылечить её шрамы, отдать учиться, в колдовскую школу для начала. Если у Марисы хотя бы маленький дар, всё равно её возьмут в школу. Это и официально можно сделать: подтвердить дар у городского колдуна и он напишет заключение, тогда и Реддит помехой не будет – есть королевский приказ обучать одарённых даже с минимальным даром. Слишком их стало мало, не то что сто лет назад. Городской колдун здесь сам одно название, без амулетов ничего не может, но определять дар должен, для этого у него амулет точно есть.

– Кто это проехал мимо нас, милорд? – поинтересовалась Мариса. – В красивой карете.

– Это лорд Финн, посол Кандрии в Грете, – ответил Ивин. – Он два раза в год навещает Финерваут, чтобы поохотиться.

– Такой большой вельможа...

– Именно. Приехал, и это хорошо. Видишь ли, при нём граф не будет охотиться за мной. Я дворянин, сын графа, граф Финерваут не может судить меня и наказывать. Должен передать на суд королю или его судьям. Так что можно пока немного расслабиться. И подумать, как уехать.

– Значит, граф рассердился на вас сильнее, чем вы ожидали? – серьезно спросила Мариса.

– Ты правильно поняла. Умница.

– Я вернусь в деревню, а вы повинитесь перед графом, он

простит...

– Нет! И ты не вернёшься, и меня граф не простит, – твёрдо заявил Ивиню – А если вернёшься сама, по твоему следу меня найдут, поняла? Так что не вздумай.

Мариса молча пожала плечами. Ну, если нельзя... подводить рыжего она не станет, конечно. Не сказать, чтобы она сильно торопилась в деревню. С рыжим ей хорошо, а как будет в доме у Реддита...

– Мне бы переодеться, хоть в халат, – попросила она. – Венчальное платье надо снять, а то примета плохая.

– Сейчас переоденешься...

Однако он пошёл не к двери, а к ней. Притянул к себе и подхватил ладонью под затылок. Посмотрел ей в лицо, как будто разглядывая заново. С ранней юности ведь нравились красотки, на других он и не смотрел, а тут...

Но Мариса и есть красотка. Была бы. Пожар пощадил её настолько, чтобы это было очевидно. Красота, можно сказать, изысканная и тонкая, такое нежное личико – с одной стороны. И это интригует, заводит, как шкатулка с секретом. И смотреть на её шрамы, гладить их пальцами – не отталкивает, хотя вообще следы ожогов неприятны, вызывают отвращение. Она же, напротив, притягательна – странно...

Он поцеловал Марису, хотел оставить на её губах быстрый поцелуй, а получился долгий и вкусный, так, что в висках застучало. И она не была безучастной, ответила сразу.

– Ты прежде часто целовалась? – спросил он раньше, чем

подумал.

– Милорд? – в её глазах застыло искреннее изумление. – С кем бы я могла?..

Да хоть с кем – подумал он.

Нехотя отстранился, вышел из башни наружу. Занялся лошадыю – распряг, напоил согревшейся водой, что заранее достал утром из колодца, спутал ноги и пустил на траву. И вот что надо ещё...

Ивин повернул тонкое кольцо на пальце – вокруг закружился серый мотылёк, и сел на протянутую ладонь. Ивин шепнул мотыльку:

– Завтра утром там же.

Придется Льен помочь ему ещё немного.

Марису он застал на скамеечке в бархатном халате, она читала, страницы перелистывала осторожно, еле прикасаясь пальцами. Пальцем по страницам не водила и губами не шептала, как делали многие служанки в замке. Она читала так, словно это было для нее привычным и естественным занятием. Собственно, он уже отметил, что и разговаривает она не как полуграмотная селянка, теперь понятно почему. И это – сирота, которую воспитывают из милости. Точно шкатулка с секретом.

– Милорд? – она подняла на него взгляд, – простите. Мне можно? – показала на книгу.

– Конечно, суп варить пока не из чего, – пошутил он. –

Вижу, тебе здесь нравится.

– Это чудесное место, милорд – согласилась она серьезно, – не надо работать и можно сколько угодно читать. Летом на это нет времени. Да и библиотеки отца Эвола больше нет.

– Там в верхней комнате есть книги, – он показал пальцем на потолок. – Бери какие хочешь.

– Спасибо, милорд! – она радостно улыбнулась.

А ему нравилось, что она радуется. Хотя радовалась Мариса не ему, и вообще...

Чтобы чем-то заняться, Ивин сел и дверей и принялся чистить своё охотничье с ружьё с кремневым замком, привезённое как-то по случаю. На ружье имелся амулет-глушилка, делающий выстрел бесшумным – сейчас это ценно. Обещание добыть дичь было серьезным, им тут понадобится свежая еда. Привычная работа не отвлекала от мыслей...

Он даже не подумал, как сама Мариса к нему отнеслась? Его к ней потянуло, захотелось взять себе, а она что? Она его боялась меньше, чем графа Финерваута? Он немного привлекательнее её мужа?..

Это было обидно. Захотелось, чтобы она полюбила его без памяти. Вопрос – зачем? Жениться на ней нельзя. Из неё получится любовница на время. Станный каприз, потому что даже не похвалишься – каждый мужчина не прочь похвалиться лишь красивой женщиной. Итак – зачем? Надо отпустить её к мужу...

Ну не хотел Ивин отдавать её лавочнику! Не мог. С души

воротило от этой мысли.

Следовало разобраться в её влиянии на мужчин, и на Ивина конкретно. Он ведь видел, что девушка держит себя смело и без подобострастия – в отличие от многих деревенских женщин. И о нём волнуется больше, чем о себе – это вообще непонятно. Свалить всю вину на него ей ещё умудриться надо. Муж и его семья разозлятся и вообще не примут её отговорки...

Жалуется, что к ней плохо отнеслась леди, а потом и хозяйка трактира? Это как раз объяснимо, спонтанные женские чары хорошо влияют на мужчин, но им слабо подвластны женщины. Это Ивин помнил из курса «Основы природного колдовства» в академии, который преподавала потрясающей красоты колдунья, присланная из Цитадели. Судя по тому, что прописные разгильдяи слушали её раскрыв рот – она пользовалась своим искусством.

Мариса не боится, потому что знает о своём влиянии?..

Её шаги он услышал, оглянулся. Сразу заметил, что она хромает больше обычного. Отложил ружье, встал.

– Что у тебя с ногой?

– Ступила неудачно. Пустяки, милорд, – она с любопытством смотрела на ружье, на его перепачканные руки и тряпку в ружейной смазке, и на пятно на его тонкой белой рубашке. – Вы делаете это сами?

– Что тебя удивляет? – он поймал её взгляд.

– Думала, что лорды не умеют делать чёрную работу, у

них слуги для этого.

— Многие умеют, а колдуны так вообще умеют всё. Заклинания лучше применяются к делам, которые умеешь делать руками, — пояснил он. — К амулетам это не относится, конечно.

— Я не знала, — она серьезно кивнула. — Но если вы умеете делать эту же работу колдовством, почему не пользуетесь?

— Потому что, любопытная кошка, я истратил силу на чайник. Поскольку у меня её не много, приходится обходиться, — это было признание в неосторожности.

Он сам не понял, зачем кипятил руками тот чайник. Хотел удивить Марису, может быть?..

— Значит, и огонь не зажжёте? — огорчённо вздохнула она.

— У меня ещё есть амулет, — буркнул он. — Сейчас растоплю печь.

До вечера он избегал Марису. Её это не огорчало, она поднялась в верхнюю комнату и принесла себе оттуда ещё книг, и до сумерек увлечённо читала, сидя у окна в башне. Потом умылась у колодца и забралась в постель.

Ивин разделся до пояса и вылил на себя целое ведро ледяной воды. Когда вытирался, появился мотылёк, покружил и сел ему на плечо.

«Я приду конечно», — тихонько сказал рядом голос Льен. Он и не сомневался, что она придёт.

Холодная вода взбодрила, и... захотелось под одеяло к Марисе. В башне не было не только второй кровати, но и

второго одеяла. Ивин подумал об этом и обрадовался – причины избегать Марису сразу померкли и отодвинулись. Её спонтанные чары? Да бросьте. Им надо выспаться.

Она отодвинулась как можно дальше, когда он лег в постель.

– Не убегай. Будем спать, – он обнял девушку, зарылся лицом в её волосы, поцеловал в шею, ощутив губами бьющуюся жилку. Одеяло обняло обоих тёплым коконом, и действительно – спать...

Глава 11. Повод познакомиться поближе

В печке, потрескивая, горел хворост, и вкусно пахло чаем из трав и ягод. Мариса уже встала и что-то делала у стола. Ивин немного огорчился – хотел потискать её перед тем, как подняться. Впрочем, уже светало и надо было спешить на встречу с Льен.

Под ним скрипнула кровать, и Мариса обернулась:

– Доброе утро, милорд! Простите, что разбудила. Ещё рано.

– В самый раз, мне пора, – он выбрался из постели, и она поспешила отвернуться. – Ты сумела амулетом разжечь огонь? Как так, кошка?

– Я нашла огниво в верхней комнате, – она хихикнула, – результат тот же самый.

– Понятно, – он удивился. – А что ты ещё полезное нашла?

– Пока ничего. Вы сами не знаете, что там есть, да?

– Примерно так, – пришлось ему признать. – Не было времени обыскать всё.

– А почему этого не сделали люди графа? Почему всё такое... нетронутое? – она не сразу нашлась с нужным словом.

– Здесь защита, которая почему-то пропускает меня. Я случайно обнаружил, – признался он, быстро одеваясь. – Лю-

дей графа не пускает.

– Но вы были уверены, что меня пропустит?..

– Что ты сказала? – он замер, медленно повернулся и посмотрел на неё.

Он понятия не имел, что её пропустит. Просто повезло, хотя могло получиться иначе. И это было бы очень плохо.

– Вы проверили сначала? Или сами так наколдовали, чтобы я могла пройти? – она смотрела с неподдельным интересом.

Точно, кошка любопытная.

– Проверил, – соврал он. – Больше не скажу, нельзя же тебе всё знать. Налей мне свой чай, и я пойду. Никуда не уходи от башни, поняла?

– Не уйду конечно. Вы на охоту? Это хорошо, – она обрадовалась. – А как же будете стрелять из ружья, вся округа услышит? Не лучше ли силки поставить?

Надо же, она его учит, как охотиться...

– У меня ружье особое, – пояснил он. – Ты и силки умеешь ставить?

– Да все в деревне умеют. И я тоже. Зайцев много расплодилось, на полях и в садах безобразничают. Я не люблю, но если есть хочется...

Она ловко накрыла на стол: выложила остатки провизии, налила чай в чашку, пирог достала из печки, где он разогревался в углях. т такого завтрака отказываться не хотелось.

– Был бы у меня свой дом, взял бы тебя экономкой с боль-

шим жалованием, – пошутил он. – Ты умница, Мариса.

Она промолчала.

– А верхом ездить умеешь? – спросил он без особой надежды.

Скоро им это понадобится.

– Конечно, – ответила она спокойно. – Сколько раз приходилось.

– Это хорошо, – он обрадовался. – Надо подумать, где достать дамское седло.

– Что? – Мариса удивлённо на него уставилась. – Да я никогда к такому седлу близко не подходила, милорд! Я разве леди? Думаете, девчонки в нашей деревне в дамских седлах ездят? Не знаю, как на этой штуковине можно усидеть и не убиться!

Он мгновенно смотрел на неё, потом расхохотался.

– Точно, Мариса! А как же ты?.. Ладно!

– Лучше по-мужски одеться, если далеко ехать и кругом все свои, – пояснила она. – Но можно и в юбке... была бы хоть юбка, – она провела ладонью по бархатной поле халата.

– То есть ты согласна со мной уехать, – подвёл он итог разговору.

А она опять промолчала. Сомневается? Ну это понятно...

Льен дожидалась Ивина на прежнем месте, прекрасная дама в модном костюме для верховой езды, на тонконогой породистой кобыле ценой в сотни дреров. И вот такое создание носится по рассветным дорогам – как граф позволяет?

Как она отвоевала себе право делать что хочет? Ивин не отпустил бы без охраны свою женщину. Даже колдунью...

– Опаздываешь, лорд Ивин, – сердито бросила Льен.

– Прости, дорогая, – извинился он. – Постараюсь исправиться.

– Я в неоплатном долгу перед твоим отцом. Это не значит, что я стану рисковать всем ради тебя.

– И не надо, – кивнул Ивин. – Мой отец не давал в долг. И когда он вытащил тебя из тюрьмы и устроил учиться, то не затем, чтобы ты рисковала ради меня. Просто я считал, что мы хотя бы немного друзья, нет?

– Немного? Обижаешь, – фыркнула она. – Вот, держи, – вынула из перемётной сумки и бросила ему объемистый свёрток, – надо же твоей леди во что-то одеваться? Цени, ради тебя я обчистила сундук своей служанки. Она уехала до осени, так что не хватит.

– Спасибо, Льен, – сказал он от души. – Люблю тебя безмерно.

– Любишь, как же, – она глянула с укоризной, – хоть знаешь значение этого слова? И чего тогда тебя разохотило на первую уродину в округе?

– Ты что, ревнуешь? – протянул он насмешливо. – Не может быть.

– Вот ещё. Я беспокоюсь за одного лорда, отцу которого должна! Мы ведь немного друзья, а за друзей надо беспокоиться.

– Спасибо, Льен, я ценю. Послушай, можно попросить тебя о помощи?

– Я даже знаю, о какой. Хочешь проверить свою девку, верно? Я захватила амулеты, держи, – она достала шелковый кошелёк из поясного кармашка. – Финю не заметит, но верни завтра. Ты должен справиться. Помнишь, какой цвет шнурка что означает? Я не хочу лично встречаться с твоей леди и узнавать, где ты обитаешь. Сам понимаешь.

– Понимаю. Спасибо, Льен. Можно ещё попросить?

– Тебе нужны деньги?

– Нет, не это. Мне надо наведаться к стряпчему из города. Устрой это мне.

– К стряпчему? – она поморщилась. – А зачем? Что ты задумал?

– Кое-что, – он улыбнулся. – Кстати, как выяснить, кто платит за Марису её опекунам, не знаешь случайно?

– Запросто. Это благотворительность, которой занималась графиня, леди Камилла Раузаг. Она основала фонд для сирот. Чем содержать приют для детей, лучше устроить их в семьи и немного приплачивать. Богатые горожане и все желающие жертвуют деньги.

– Понятно. Я надеялся, что всё интереснее, – немного огорчился Ивин. – Значит, на деле у неё есть лишь то, что получают все сироты?

– Именно, – кивнула Льен. – Она и тебе внушила какие-то подозрения, да?

Ивин только дернул плечом – то ли да, то ли нет.

– Надо побывать в монастыре, где лечилась Мариса. Об этом я тоже хотел попросить тебя. Это ведь женский монастырь, тебе сподручнее. Найдешь повод съездить?

– Столько дел, ты не расплатишься, – она рассмеялась, стрельнув в него глазами. – Но что тебе нужно? Эта часть истории понятна. Сирота, пожар, сначала её пожалела служанка из замка, когда та умерла, отдали опекунам. Кстати, если много желающих взять ребенка, то отдают тем, кто меньше попросит. Значит, девочка была здоровой, иначе на мельницу не взяли бы. Я так думаю.

Ивин согласно кивнул и продолжал, следуя своим мыслям:

– Почему её не искали родственники? Почему её приёмная мать заплатила деньги за обучение, а не оставила их ей, добавив на приданое? Почему это никого не интересовало? Откуда шёл тот обоз, которым Мариса приехала? В магистрате могут быть такие записи? Сколько лет было Марисе, когда она сюда попала?

Льен поморщилась и демонстративно пожала плечами.

– Слишком много вопросов, дорогой. Родственникам могла быть не нужна девчонка, вдруг наследство с ней делить? Обозов могло быть много, какой искать? Только время потеряешь. Проверь её амулетами и хватит.

– Наверное, ты права, – не стал спорить Ивин. – Увидимся завтра. И договорись о визите к стряпчему. Проверь его

по-своему, чтобы можно было доверять. Чтобы дядюшке не сдал.

– Точно не расплатишься! – Льен притворно вздохнула, но тут же кивнула с улыбкой. – Я это сделаю, хорошо. Когда ты намерен убраться отсюда? Поезжай в Кандрию. А лучше ещё дальше.

– Хорошо, так и сделаю, – пообещал он.

**стряпчий – в данном случае адвокат, ходатай по частным делам*

Мариса почти не спала ночью – её до дрожи волновало присутствие Ивина в постели. И немного задевало то, что он лег и сразу заснул. Подвинул к себе, погладил и тут же перестал замечать – как кошку. И ведь дразнит её кошкой! А свеча на столе осталась гореть, огонёк мерцал, по станам метались тени, рыжий иногда что-то шептал ей в затылок, гладил, бесцеремонно запуская руку ей под сорочку. А когда его ладонь уверенно накрыла её грудь и стала мягко поглаживать, девушка замерла, почти уверившись, что он не спит – волнительно и страшно. А страшно, потому что... ни почему, просто страшно, и при этом так хорошо...

Нет, он спал. И что же ему снилось?..

Вскоре он выпустил Марису и лег на спину – она поспешно выскользнула из его объятий. И стало удобнее его рассматривать.

Спящим, тем более в таком неясном свете, он казался

мальчишкой. От длинных ресниц на щеках лежала тень. Красивого рисунка губы. Растрёпанные медно-рыжие волосы разлохматились – его причёска никогда не казалась аккуратной, такие уж волосы. На лоб упал завиток, она осторожно дотронулась до него пальцем и поспешила отдернуть – мужчина пошевелился. Дальше трогала, не прикасаясь, невесомо обвела пальцем его лицо, губы, захотелось дунуть на ресницы – не стала, конечно. Это было такое зыбкое, восхитительное и запретное чувство, что рыжий сейчас безраздельно принадлежит ей одной. Это была... её маленькая игра.

До сих пор Мариса не допускала мысли, что может нравиться мужчине, что её выберут и будут дорожить, что она будет любимой и желанной. Нужной – возможно, понадобилась ведь она Реддиту. Но желанной? Нет. И как же понимать то, что случилось? Нельзя понять. А если вспомнить их первую встречу, то мысли лезли в голову запретные и приятные.

И как теперь жить с Реддитом, законным мужем? Она прежде думала о том, как придётся заниматься хозяйством, и о том, что будет непросто со свекровью и золовкой. Но никогда не думала о постели с мужем. Не беспокоилась об этой стороне жизни, старалась даже не представлять её. Ну правда же, Реддит делает с ней ВОТ ЭТО – смешно. Но теперь, когда она всё про ЭТО поняла, стало не смешно, а грустно и даже противно. Нет, совсем не хотелось быть с мужем...

Всё-таки она задремала и успела посмотреть сон, один

из частых своих. Она видела море, всё в белых пенистых волнах, замок на берегу, на который она смотрела со стороны моря. А потом она бродила по этому замку, по бесконечно-длинным коридорам, заблудилась и ей хотелось плакать. По пути попадалось всякие шкафы и шкафчики, в которые можно заглянуть и найти там разные вещи, и узорчатая дверь, которую она, кажется, и искала, но зашла и увидела старуху, которая стала сердито кричать...

Этот сон она видела много раз. Даже рассказала отцу Эволу. Тот погладил её по голове и сказал, что, видимо, она там когда-то жила, рядом с морем в белых барашках. Но что это за место? На побережье много замков. И замок каждый раз представлялся ей немного другим. Отец Эвол решил, что эти замки её детская выдумка.

Мариса встала, едва стало светать, и занялась готовкой. Как почувствовала, что сегодня завтрак понадобится рано – рыжий куда-то собрался.

Впрочем, он вернулся скоро, принёс молодую куропатку. Прекрасное приобретение для супа, добыть бы ещё кореньев и зелени, и горсть крупы хорошо бы.

Лорд вытряхнул из мешочка на ладонь несколько крупных бусин разной формы и колечек, к каждой вещи была привязан цветной шнурок. И Мариса сразу поняла, что это, такую же бусину ей показывал отел Эвол. Он заставлял долго держать бусину в руке, а потом расстроено качал головой.

– Мы сейчас проверим тебя на одарённость, Мариса. – со-

общил лорд.

– Уже проверяли, – махнула она рукой. – Не нашли у меня никакой одарённости. Вот это, да? – она показала пальцем.

Бусину на белом шёлковом шнурке она узнала по форме и цвету, как будто и впрямь была та самая.

– Это, – подтвердил лорд. – Тебя твой отец Эвол проверял? Сейчас возьмёшь амулет и поддержишь его в руке, пока не согреется. Ну давай.

Мариса сжала в ладони бусину. Бусина была прохладной и не желала согреваться, Мариса даже на неё подышала – не помогло. Рыжий наблюдал за её усилиями, не торопил. Подсказал:

– Представь, что уже нагревается. Что ты этого очень хочешь. Чтобы стало горячо, попробуй!

Не получилось, и Мариса отдала бусину рыжему. Его не огорчила неудача.

– Ладно, следовало ожидать, – сказал он. – Тут у нас есть что-то поинтереснее. Вот, погляди, – и выбрал каменное колечко, тоже на шнурке, но на красном.

– Это лекарский амулет. Дай руку. Посмотрим, как подействует.

Мириса протянула правую руку, рыжий выбрал маленький шрам на запястье и потёр кольцом-амулетом. Место, по которому терли, вдруг сильно зачесалось, зазудело, как будто слепень укусил.

– Смотри! – довольно воскликнул рыжий и повернул её

руку, разглядывая.

Шрам исчез, будто его и не было. Мариса даже дышать перестала.

– Значит, таким образом тебя можно вылечить! Давай ещё...

Он потёр амулетом шрамик на её подбородке. Но теперь результат был другой: от упрямого трения кожа покраснела, но никакого чуда не случилось.

– Демон лесной! – рыжий, не скрывая досады, отбросил бесполезный амулет.

– Он разрядился, да? Силы не хватает? – тоже разочарованно вздохнула Мариса.

Ивин покосился на неё – надо же, девчонка объяснила ситуацию именно нужными словами. От кого нахваталась, от своего священника?

– Зато мы поняли, что ты поддаешься таким воздействиям и твои шрамы можно убрать. Ты ведь родилась красавицей. Вот и будешь ею.

– Где же я добуду эти амулеты, милорд? – она сжала губы.

– В Гарратене можно купить, были бы деньги. Не сомневайся.

– Какая мне нужна работа, чтобы платили столько? – это был не разочарованный стон, а вполне осмысленный вопрос, в котором была надежда.

– Никакая, – огрызнулся Ивин. – Я сам позабочусь. А потом будет видно.

Работа, чтобы скопить на хорошие лекарские амулеты, ей явно нужна совсем не та, что она себе представляет. Если только не собирается копить следующие двадцать лет.

– Наверное, тебе лучше не амулеты, – добавил Ивин, – я найду колдуна-лекаря, и он всё сделает. Ты забудешь и про эти шрамы, и про свою хромоту. Лечение будет не быстрое, старые шрамы не убрать за один день. Но мы это сделаем. Поняла?

Она не сразу, но кивнула, и подняла взгляд. И он даже растерялся, увидев, что её глаза полны слез.

– Зачем, милорд? – выдохнула она, – Зачем вам это делать для меня?

И это вместо того, чтобы радоваться.

– Что? Вот дурочка... – он отчего-то рассердился, но по-дошёл и обнял девушку, прижал к себе.

– Что за слёзы, я не понял? Зачем?.. Затем, что мне так хочется. Разве не причина? – он запрокинул её голову, чтобы заглянуть в лицо.

– И мой муж... – она замолчала и уткнулась лицом в его жилет.

– Так, давай договоримся, – он вздохнул, обдумывая, – твоего мужа нет. Я тебя украл и увезу в Гарратен. И мы избавим тебя от шрамов. Поняла? А потом... знаешь, я придумал. Ты станешь красавицей, и я никому тебя не отдам. Украл так украл. Будешь моей, будешь жить со мной и любить меня. Найду тебе дом. Нравится?..

– Нет, – она силой отстранилась, упершись руками в его грудь. – Я лучше уйду. Украли на раз, и довольно, – настроение у неё изменилось, глаза заledenели.

Как понять девчонку?

– Мариса, что не так? – он крепко взял её за плечи, чтобы заглянуть в глаза. – Что в моём прекрасном плане тебе не нравится? Признавайся, а то я не понимаю.

– Я ради платы любить не смогу, милорд. Служить вам смогу, любить нет. Если буду знать, что должна, не смогу. Отпустите.

– Мариса... – он даже не сразу вник, молча смотрел на неё некоторое время, пока дошло.

Она считает, что не может любить по принуждению? Считает, что будет обязанной, но не сможет, а как-то по-другому любить нельзя? То есть любовь – только искреннее чувство, и ничто иное этим словом называть нельзя. Вот так вот.

– Мариса, я пошутил, – вздохнул он. – А как же ты с муженьком собиралась?..

– Его любить и не надо. И в мыслях такого не держала, – она попробовала отвернуться, он не пустил.

– Мариса, ты меня поняла? Это была шутка. Не нужно мне платить любовью. Будешь свободна и пойдешь на все четыре стороны. Так лучше?

– Если служить, то буду...

– Это обсудим, – он чуть не рассмеялся. – Неужели я тебе так не нравлюсь? Обидно...

– Не надо об этом, милорд, – она вспыхнула.

– Хорошо, хорошо... Успокойся. Правда дурочка. Отчего вы, девушки, такие? С ума с вами сойдешь. У меня сестрица есть, я точно знаю, – сказал и тут же подумал, что сестрица леди Валина как раз не упрямилась бы и не капризничала.

Валина будет любить и что хотите, только отправьте под венец с достойным лордом. Правда, он, Ивин Монтери, Марисе венца и не предложил бы, но это и так понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.